

Любовь Кабуки-Тё

Автор:
Мария Шумская

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Шумская

Любовь на Кабуки-Тё

<https://litres.ru/74120556>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сложная история падения и прощения, рассказанная двумя голосами: мужским и женским. Два полюса одной драмы объединились в многослойном повествовании, чтобы раскрыть все стороны происходящего между Сатоко и Олегом. Это Young adult на острие катаны. Легко, пушисто, по-хорошему - не будет.

Олег, влюбленный с детства в аниме, добился своего: попал в Японию. Вместе с ним поехала «лучшая подруга» Лия, отношения с которой у Олега сложные, но очень близкие. Герои лучше узнают «страну мечты» и учатся видеть ее изнанку.

Тем временем читатель узнает японскую «историю успеха» от лица Сатоко - школьницы, которую бьют дома и унижают в школе. Она становится звездой тик-тока. Звучит красиво? Хм... Приходите на Кабуки-Тё и все поймете!

Героев сталкивает вместе невозможность, но из нее они находят выходы к любви. Смогут ли они понять друг друга? Существует ли один язык сердец, что стирает все культурные и социальные противоречия? Сумеет ли Неоновая Сатти вспомнить, каково это - любить Сатоко?

Мария Шумская

Любовь на Кабуки-Тё

Глава 1: Олег

— Почему?

— Хороший вопрос, мама! Лучше ты присядь. Вот так, отлично. С чего бы мне начать? Наверное, с того, что я последние двенадцать лет интересуюсь аниме и мангой. Если ты еще не в курсе, я учу японский и даже помогаю с переводом для малоизвестных...

— Чем ты увлекаешься? А, мультиками для детей? Олег, тебе 17!

— Я так и знал, что ты это скажешь. Нет, вопреки расхожим стереотипам, аниме - это...

— Знаю, знаю, мультики про девочек с огромными глазами! Олег, это не деньги, это ерунда!

— Мам, я поступаю на востоковедение МГУ. Не «мангаведение» и не «анимефак». Просто объясняю, почему мне это близко и...

— Олег, опомнись! На японском разговаривают... где? В Японии? Сколько их? Они же вымрут скоро! Если уж ты хочешь иероглифами заниматься, ладно, но выбери хотя бы китаистику. Ведь это перспективно! С Китаем мы - партнеры, а с Японией Курилы до сих пор не поделили!

— Мам, я не делю с Японией Курилы, я хочу выучить

язык, понять культуру и...

— Куда ведет это уверенное «иии»?

— На паспортный контроль.

— То есть ты решил уехать?

— Хотя бы попытаться, а там видно...

— Будет? И какое будущее ты нашел в стране, в которой не рожают?

— Мама, боже, ну при чем тут...

— А при том! Твоей Японии не будет скоро, вымрет. Землетрясения никто не отменял, на честном слове держится. И там не золотые горы, можешь быть уверен.

— Для меня достаточно и Фудзи...

— Олег, не будь ребенком! Где родился - там и пригодился, а в других местах тебя никто не ждет. Тем более японцы! Они нас ненавидят, что б ты знал! Спят и видят, как бы наши земли заселить...

— Кем? Они же вымирают, ты сама сказала!

— А вот поди их разбери, зачем они Курилы отжимают?

— Мама, это же не ты, а телевизор!

— Ты выбрал факультет по мультикам для умственно отсталых, кто бы говорил!

— Мне нравится Япония, я учу язык - и что в этом плохого?

— Что хорошего? Ты не учиться хочешь, а уехать. И к черту на рога, в страну без перспектив и интереса. Куда угодно, лишь бы не домой, да? И все из-за чего? Из-за огромных

глаз, которых у них нету? Они ж завидуют нормальным людям, вот и рисуют хрен знает чего...

— Мам! Я ж не критикую дамские романы вроде «Любовь стирает все». «...Что у тебя на полке» - следовало бы добавить!

— Так, из нас двоих взрослая здесь я! И заслужила право на «Любовь, стирающую все» в часы досуга. А ты сейчас в начале своего пути: ни образования, ни работы, одни мечты и те без реализма. «Свалить бы из России!» - вот и все! Куда вы свалите? Что делать будете? Кому нужны там? Ты еще не понимаешь ничего! Одни картинки с сакурами на столе рабочем! И я должна тебя направить, как иначе? Кто еще? Не отец же, прости господи. Не человек, а миф о человеке.

— Ладно, хватит. Документы я подал. И папа, если хочешь знать, одобрил.

— Конечно, он одобрил, ты меня не удивил! Платить не надо - он и факультет верчения столов одобрит, не извольте беспокоиться!

— Зачем ты так?

— Да я и половины интересного не рассказала!

— Пожалуй, я умру от любопытства без подробностей. Пойду читать бестселлеры для умственно отсталых со знанием японского. У тебя по теме все?

— Ты ни в грош не ставишь ни родную мать, ни здравый смысл, ни славное Отечество! Пойду загуглю, что мне с этим делать!

— Ага, поосторожнее с гуглом! Одобришь куки - отожмут Гадюкино!

— Я это аниме твое... на экстремизм проверю, понял? В Японию тебя не выпустят!

— Скажу, что еду на Хоккайдо говорить по-русски. Ребята-пограничники приколы поймут.

— Олег, с твоими бы по мозгами да нормальный факультет!

— Востоковедение МГУ? Да я почти как Жириновский - тебе мало?

— Но Япония, Олег! Они же во Вторую мировую...

— Что? ГУЛАГ построили?

— Откуда эта либеральная повестка? У вас вообще историю не учат?

— Нет, только по праздникам.

— Так, где моя «Любовь», которая «стирает все»?

— Счастливо оставаться!

На дворе 2026 год. Японии все еще не удалось отжать Курилы, но я чуть больше преуспел и выиграл у мамы поступление. Победа была техническая: со своим графиком работы она не может прийти вовремя на матч, что бы ни стояло на кону. Даже радение о будущем единственного сына не отменяет платежей по ипотеке, так что пришлось ей примириться с неизбежным - ролью матери, обманутой судьбой. Все обещало ей мои блистательные перспективы, окрашивало синюю небеса и флаги - триколором. Что в итоге? Я упал в объ-

тия химеры, забыл морально-нравственные обязательства, в конце концов, поставил сакуру на свой рабочий стол с намерением стать ее глазами. Меня похитила японская мечта. Живя в Москве, я видел только Токио в виар-очках воображения и начисто забыл о том, что пассажир в метро ждет от меня ответ на русском. Глазами я искал на указателях иероглифы и удивлялся, что не нахожу. Моя стратегия языкового погружения напоминала поведение утопленника. Зато давала ощутимые плоды: зачеты закрывались без истерик и хвостов, а девочки хотели выпить бабл-ти после занятий и обсудить детальнее хентай. Парадокс: даже тем, кому не хватало языка, хватило языка для объяснения своей позиции.

С моей оторванностью от контекста я едва следил за тем, как протекает жизнь, и был натянут тетивой для выстрела в решающее время. Она не подвела: на два года по обмену выбрали того, кто больше всех преуспевал в освоении японского. Дабы не посрамить честь факультета МГУ, послали только лучших. Нас, избранных, рассредоточили по разным вузам, чтоб не кучковались. Вместе со мной в TUFUS (Токийский университет иностранных языков) попала только Лия, дотошная и злая одноклассница, гроза мезогинситов и прочих преподавателей. Шучу. Я понимаю, почему она такая острая наощупь. Как-то раз мы выпили, прошлись по важным темам и уперлись в детство. Посопели, помолчали, выпили еще. Я не настаивал - подвох чуял. Наконец, сказала: «Да, было». И понеслись такие откровения, что я раздумал обсуждать хен-

тай. Даже до сэйниномов дело не дошло. После историй в духе ее детских лет мне хочется забыть, что я мужчина, настолько стыдно. Как бы там ни было, под ногами грозно зачернела тьма. Я спасовал и перестал стараться. С Лией надо было либо раз и навсегда, либо «дружба». Я выбрал второй вариант, боясь усугубить и без того травмирующую историю. Как и все женщины, она инстинктом поняла мой выбор и затаила горечь на не «раз и навсегда». Блин! Я хотел как лучше и как друг, но оказался в роли виноватого бойфренда, не получив и поцелуя компенсации. С тех пор мы вроде как общаемся взаимными подколами, стреляем взглядами, полными не высказанных слов, обходим стороной предметы обсуждений, способствующие сближению. Горячие сердца, холодная война и все такое прочее. Да без проблем, синдром спасателя - не мой диагноз. Но жаль, конечно, что теперь мы будем приговорены к этому ранищему лезвию общения года на два, а то и дольше.

Я никому не говорил, что из Японии уезжать не собираюсь. Только маме намекнул, но это пробный шар. Даже она не должна знать, как далеко я мечу. Иначе не отпустит. Пока же для нее мои мечты - ментальная ветрянка. Подцепил? Окей, отпустит. Такую гадость лечат временем. Грезит парень рваными краями пагод - с кем не бывает? Все ж таки лучше, чем Нью-Йорк, не так заезжено. Моя задача - поддержать ее иллюзию до тех пор, пока не станет слишком поздно вмешиваться. Когда окрепну, встану на ноги, мне уже не

нужно будет спрашивать и унижаться. Взрослый мальчик. Придется ей смириться с сепарацией и с тем, что еду я не только из-за пагод. Я так считаю: если государство не дает тебе, холопу, выбора, то выбором становится страна. Другая. Они, как мама, этого не понимают. А ведь Стругацкие им в «Гадких лебедях» все объяснили. И кто еще из нас учиться не умеет? Все, что я вижу, это не вариант, а проигрыш идеологический. Разве виновата молодежь, что хочет по-другому? Нет, ребята, это конкурентная борьба международных брендов: выигрывает тот, кто может грамотно продвинуть месседж и понравиться ЦА. Способная молодежь - это уже давно не собственность монарха, а рука принцессы, за которую монархам стоит побороться на словах. Ведь на кону полцарства и целое будущее. Кто это осознал и принял - молодец, тому конфетка. Кто ерепенится - останется один в огромном пенсионном фонде, где будут только крабы и ведро без конструктивных разговоров. А что? Мир жесток, даже если у тебя на голове корона. Смирись, гордый человек!

С этими мыслями, спрятанными под надеждой, я пришел к матери и сообщил, что уезжаю на два года. Пусть радуется, что южнее Сахалина, в наше-то время. Она юмора не оценила, опять пристала с долгом (я не брал!) и семьей (я не маленький уже!), обрушилась землетрясением на сакуры, цунами - на Санрику и бомбардировками - на Хиросиму. Не хуже США бомбила, даром что не любит англосаксов. Повезло Японии, что у мамы нету ядерных вооружений, а то

не ровен час. Особенно меня, конечно, позабавило предположение, что я туда ради японок еду, а они, коварные обманщицы, рожать не станут. Только о карьере думают, совсем испортились. Бедняжки! Не осознают, как хорошо родить, не доучиться, сразу развестись, чтобы потом с упрямом говорить ребенку, что тяжело его растить, работать и тянуть невыносимое бремя ипотеки. Да, жаль, что нынешние девушки - такие глупые. Не понимаю, как они еще не догадались связаться с «нищим оборванцем из провинции», который «не работал, потому что не хотел», чтобы зачать «мечтательного инфантила», помешанного на «дурацких мультиках». Это же такая крутизна, деваться некуда! Японки просто дуры, что отказываются!

Конечно, этого всего я не сказал. Жестоко, контрпродуктивно и неблагодарно. Мама живет, как может, потому что она - та, кем стала до меня и будет после. Мы же не корим «антоновку» за то, что она кислая, зеленая и жесткая. Она - не «мельба», ею никогда не станет и ею становиться не должна. Сорт такой. Не нравится - не ешь, но незачем ломать ей ветви. Вот и я покорно выслушал, что ничего не понимаю в жизни, что побегу отсюда через две недели, что позволю азиаткам окрутить себя и пользоваться моей... Вот тут произошла заминка. Я не богат, не знаменит, не очень-то красавец, а так, середнячок, четыре за старание казаться привлекательным. Зачем меня использовать коварным азиаткам? Вопросик уровня Эркюля Пуаро, расследование полным хо-

дом. Мама выкрутилась, конечно.

«Они воспользуются твоей молодостью и энергией, а потом оставят одного с разбитым сердцем! Ты ведь их не понимаешь, дурачок! Сначала с иностранцем весело, прикольно, как с экзотическим зверьком на фотографии, но как только жизнь взрослая начнется, каждый предпочтет кота или собаку - что-то знакомое и близкое без лингвистических барьеров, без культурных и национальных разногласий. Сам сто раз подумаешь, когда захочешь борщ, а девушка его тебе не сварит. Ну и зачем она тебе, такая девушка?».

Кто про что, а мамы - про борщи, которые не варят сами. Ладно. Буду давиться, мучаться и есть сашими. На этой оптимистичной ноте я собрал спартански малый чемодан и поспешил в аэропорт, чтоб все равно тащить раблезианскую поклажу Лии. Что у нее там? Я надеюсь, труп, и нас задержат до того, как я сломаюсь окончательно!

«Господи, Олег, я тебе ценную услугу оказала, а ты бешишься! Трудности делают мужчину из того, что было!» - сказал из-за спины смеющийся голосок Йорогумо. Три иероглифа для выражения идеи паука, красоты и смерти. Воистину, нет повести печальнее на свете, чем обо мне и женщинах, поверьте!

Но я все равно был полон счастья до краев и цвел свежее чайной розы. Моя мечта была на расстоянии до гейта.

Глава 2: Сатоко

Желтело, розовело и краснело в квартале Кабуки-тё. Но

увидеть это было нелегко. Среди огромных вывесок, экранов и неоновых огней закат не вызывал такого интереса, как в убогих серых спальниках, где больше не на что смотреть. У нас же тут рыдван, полный фантазеров. Здесь жизнь, владея лишь невероятным призом настоящего, ложилась рядом, прекрасной головой, увенчанной кудрями, касаясь твоего плеча. Все было непрочным и хрупким, как вздох. Но этот вздох мы возносили на трагическую высоту и проживали так, как будто он был... любовью. Вот они ругаются опять, а я, как Юки-онна. Высоко, как снег. Не достанете! Что бы ни случилось, а случалось многое, передо мной всегда сидела девочка в халате, когда-то, в незапамятные времена, украшенном драконом, печальные следы которого угадывались в вышивке на груди. Передо мной всегда сидела...

— Сатоко!

Она вынырнула из тяжелого, как веки, сна, но сохранила ощущение ведра с водой, когда туда макают провинившуюся голову.

— Сатоко!

Она изо всех сил раскрыла воспаленные глаза навстречу голосу, который был звенящим завитком катаны в воздухе или чем угодно, но человеку точно не принадлежал.

— Сатоко Ватанабэ! Ты меня слышишь?

— Да, Танака-сэнсэй.

— Ты на уроке! Почему ты позволяешь себе спать?

— Я не...

— Молчать! Ты грубо нарушаешь дисциплину и уже не в первый раз. Что у тебя с волосами?

— Ну...

— Ты получила справку для окрашивания в черный цвет?

— Да, но...

— Ты еще и пререкаешься! Тебе известно, что косоку, древняя японская традиция, необходима для создания порядка в учебном заведении. Волосы у всех должны быть черные, прически - гладкие, волос к волосу. Ты же выглядишь, как... сукэбан! Эти... волосы светлее, чем положено. Распоряжение получено три дня назад, но я не вижу результата. Более того, ты спишь вместо того, чтобы учиться! Твоя успеваемость такая же, как внешний вид: ни-ку-да-не-год-на-я! Как это понимать?!

— Прошу прощения, я...

— Хватит оправданий! Немедленно приведи себя в порядок! Завтра же я жду твоих родителей после уроков. Если они не выполняют предписаний школы, я надеюсь, у них есть хоть какие-то приемлимые объяснения, а не это жалкое зрелище. Сядь. Нет, встань! У тебя что, серьги?

— Нет, просто дырочки в ушах.

— Ты еще и хамишь учителю? Ты хоть представляешь, что бывает с девочками, которые так себя ведут? Где они оказываются после исключения из школы? История Минэ вас ничему не учит?

История Минэ за столько лет не потеряла дидактическо-

го пафоса и накала страсти. Из милосердия к читателю она будет изложена без проповеди и воды. Минэ жила, была, но угодила в омуты разврата и непослушания. Говорят, она носила гвоздики в ушах и распускала волосы, а после школы так натягивала юбку, что было видно... то неведомое, что перенаправляло кровь от верха к низу и делало жизнь шиворот-навыворот. Минэ не красила каштановые волосы и не подрезала их, как нужно, поэтому ее судьба была разбитым зеркалом: в нее мог посмотреться каждый, кто желал увидеть разрушение себя и образумиться, пока не поздно. Когда родители отчаялись ее исправить, а учителя умыли руки, Минэ отправилась в центр для подростков, у которых есть психическая нестабильность. «По сути, это интернат для умственно отсталых» - резюмировал учитель и выразительно вздымал разросшиеся брови. Там девочка вконец испортилась и вышла на тропу войны с приличиями, нормами морали и законностью. Она сбежала вместе с девочками, у которых все мозги отравлены тик-токами и прочим интернетом. Последний раз ее заметили в компании Toyoko Kids на улицах Синдзюку. Естественно, она была в плачевном состоянии: потерянная, сломленная, без еды... («но со смартфоном и аккаунтами в соцсетях» - ехидно добавляли школьники постарше). Родители, конечно, перестали с ней общаться. «Их позицию все поняли, никто не осудил» - спешил сказать всезнающий учитель. «Она сама их заблокировала у себя» - украдкой добавляли школьники постарше. «Она употребляет...» -

тут наставник театрально опускал глаза и вешал в воздухе томительную паузу. «Плохие котики» - то был шелест листьев между парт. Минэ стала «позором города, семьи и школы» - патетически тянул учитель ввысь голосовые связки. «Императрицей улиц» - раздавался еле слышный шепот, о котором говорили все. История Минэ всему их научила, только вот отнюдь не послушанию.

Сатоко слышала историю Минэ так часто, что уже не знала, не кицунэ ли имеется в виду - так бутафорски выглядели все эти «скандальные подробности». Минэ для местных школьников была уже фольклорным персонажем, бытие которого доказывали лишь соцсети, принадлежащие не девочке Минэ, а королеве Маб - блестящему айдолу для подростков, героине безмятежных хроник, которая жила искусственную жизнь вдали от школы, прессинга родителей и недовольства общества. «Королева» была от этих юношей и девушек столь же далека, как мальчишки из BTS и девочки из BLACKPINK. Так что Сатоко даже мысленно не возносила себя на такую высоту и не сопоставляла свой пример и биографию тик-ток селебрити. Сатоко была просто неудачницей, которая не высыпалась дома. И волосы у нее были, кстати, ни о чем: коричневые, блеклые, секущиеся на концах и от природы слишком уж пушистые, из таких, что ни в одну прическу не ложатся, поэтому и выглядят ужасно, что ни делай! Легко быть облысевшим и тупым болваном, у которого если и были волосы, то лет тысячу назад (и то ни одна

женщина, похоже, их не гладила, вот они и вывелись!). А ты попробуй хоть один несчастный день побыть Сатоко и посмотрим, как ты, лысый, облысеешь заново и сбросишь свой унылый скальп!

Сейчас бы затянуть такую песню, мол, все было плохо, но жестокость эстетичная, журнальная, хештег #MeToo. Она пришла домой, а там ее ждал похотливый отчим и слепая к ее горю мать. Он трогал девочку за все места и обещал айфоны за молчание, она стоически сопротивлялась, не желая рушить стены кукольного дома, ведь ей некуда идти... Слышите? Читатель вынимает из шуршащей пачки тоненький платочек и... вытирает им приборы. Все куда проще и куда банальнее, как вареный рис. Жизнь честная и пресная, под стать Сатоко. Дело в том, что ее мать недавно родила Четвертого ребенка. Сатоко - первая в этом ряду, поэтому ее рождение очередной сестры на свет не удивило, только озадачило. Ко всем обязанностям, хлопотам и недосыпам прибавились еще какие-то вопросы, поручения и упреки. «Она же девочка и будет помогать» - вот так звучало заклинание злой ведьмы над колыбелькой маленькой Сатоко. Она же будет помогать, не правда ли? Что в этом ненормального и злого? Большая семья - это же такое счастье! Такое счастье...

Ей было шесть, когда пришлось забросить кукол в долгий ящик и менять подгузники. Тогда же были пережиты ею первые бессонные ночи, обнажившие пасти в крике. Сатоко не лежала в своей комнате, свернувшись под пушистым

пледом. Она плотней запахивала красненький халатик с драконом и сидела возле колыбели, чтобы взрослые могли поспать. «Надо всего лишь дать ей смесь и поменять подгузник, что тут сложного?!» - ругалась бабушка, которая приходила строго по выходным дням на три часа, чтобы наставить несмышленную Сатоко на путь истинный и беспощадный к маленьким лентяйкам. «В семье надо помогать! Тебя же завели - зачем, скажи, пожалуйста! Наверное, для помощи какой-то, а? Ты так не думаешь?» - спрашивала пожилая дама перед тем, как надеть красивый шарф из кашемира и отправиться с подругой в ресторан. Сатоко вежливо кивала и вдыхала резкий аромат сандаловых духов. На фоне вони, крика и усталости это впечатление было самым ярким за весь день. За все дни. Духи и шарф из кашемира были атрибутами иной, почти что невозможной жизни, где ели в ресторанах и ходили на концерты. Где медный отсвет солнца зажигал стекло и отзывался искрой в каждой луже. Где в дорогах, мало проторенных, заблудились звезды, указующие на ее судьбу.

Сатоко кое-как справлялась и с учебой, и с домашними обязанностями, и с ночной вахтой, но все это было чересчур даже для взрослой тети. Поэтому успехами родителей она не радовала и домой несла «посредственные» результаты. Из этого был сделан далеко идущий вывод: девочка амбиций не имеет, посему не стоит тратить деньги на ее развитие вне школы. Кружки, занятия и секции для тех, кто в

чем-то проявил себя, а если человек избрал пассивную позицию и делать ничего не хочет, то бог ему судья, родители - не сэйджи-ка и не дзайбацу. В этой оценке не было пренебрежения, лишь оценка факта. Сатоко станет замечательной женой и матерью, когда придет назначенное время, а пока поможет по хозяйству. Разве плохо? Для девушки даже лучше не иметь иллюзий о своем уме, чтобы потом не жаловаться и не чувствовать себя плененной материнским долгом. «Она хорошенькая, дайте срок, удачно выйдет замуж!» - говорила бабушка, благоухая пряными духами, от которых так кружилась голова.

Вскоре мама снова родила, и день сурка вошел в освоенную колею. Только теперь добавились потешки, сказки, игры с трехлетней девочкой, которая никак не помогала в хлопотах с младенцем, лишь мешала, перетягивая все внимание на себя. Начались болезни садика и новые ночные бдения, когда не знаешь, кто сильнее нуждается в опеке: грудной малыш, гиперактивная сестренка или мама, у которой вечно голова болит и нет возможности подняться ночью. Сатоко осваивало Бусидо, начиная с принципа «Ю» (нет, это не то, что вы подумали, принцип «Ю» не имеет бранного трехбуквенного продолжения). Это доктрина стойкости и способности поступать правильно, преодолевая страх и слабость. Сатоко честно выполняла все, что требовали от нее родители. Это было ее проявление «Тюги» - верности своей семье и своему предназначению. В этом смысле девочка росла хоро-

шим самураем, но плохим ребенком, потому что детства у нее не было.

Но было бы неверно утверждать, что ветви терна ей не натирали. Еще как! Если первые годы своего беззаветного служения Сатоко посвятила выживанию без рефлексии и невидимым слезам, то последующие, начиная с перехода к первой взрослости, она потратила на последовательное разрушение своей тюрьмы. Не бунт, конечно, а обструкция. Сатоко, вялая и неживая, саботировала все попытки сделать из себя домашнюю прислугу, трудящуюся за еду. У нее никогда не было сил ни на малые, ни на великие свершения (это правда). Она не выражала никаких желаний и потребностей (это ложь). Каждое действие - из-под палки, невпопад, не так, как надо. Пассивное сопротивление привело к ужесточению режима и ухудшению условий труда, зато дарило маленький кусочек личного пространства - пиратский остров контрабандной идентичности. На нем Сатоко доставалось мало развлечений, а те, что были, ей хотелось скрыть. Лишь книги были молчаливы, осторожны и незримы, их можно было спрятать где угодно и найти бесплатно. Сначала дома, на заросших пылью стеллажах. Потом в библиотеке, у приятельниц, в гостях, где интересная обложка сразу размывала представление об условностях: «Раз - и книга у тебя в кармане!». В рюкзаке было специально выделено отделение для таких поступков. Да ладно вам, кто хватится? Всего лишь книга, раз она прочитана, уже не вызывает интереса, который мог

бы спровоцировать скандал и обвинение в краже. Вот так Сатоко в первый раз нарушила закон. Ее тело соответствовало преступлению: маленькое, невесомое, прозрачное, как будто его нет, и лишь чернила тонкой ниточкой обводят контур вымысла, видения, введения в человеческую жизнь.

Подобно сновидению, наше бодрствующее сознание проецирует на пустой экран ума формы, звуки, запахи и, самое главное - «я» и «другого», «хорошее» и «плохое». В буддийских текстах (например, в трактатах Нагарджуны или Шантидевы) проводится такая аналогия: ты видишь во сне дом, можешь ощущать его, бояться, что он рухнет, радоваться, что он есть. Во сне он абсолютно реален. Так и в жизни: мы страдаем из-за денег, отношений, статуса, не понимая, что это - всего лишь временные проекции нашего ума. Практик медитации учится видеть, что «дом во сне - это не настоящий дом». В жизни это означает прямое переживание анатмана (не-я) и шуньяты (пустоты). Человек осознает, что все феномены лишены независимого существования, и понимает: гнев, страх, привязанность возникают из мыслей, а не из внешних объектов. Сатоко нашла выход из своих печалей в состоянии Будды - полном пробуждении от сна сансары. Она научилась видеть относительную реальность такой, какова она есть. Как иллюзорное проявление, лишённое страдания. Из первого знакомства с философией вытекала отстранённость этой тихой девочки, застрявшей, будто «Женщина в песках».

Так бы и шло, но этот разговор с учителем Сатоко вспо-

минала вечером в квартале Кабуке-Тё не ностальгии ради. В нем она увидела спустя два года точку отсчета, из которой раздалась во вне вся ее последующая жизнь, нарушившая все границы и стершая шершавым языком хорошие прибрежные поселки. Таким поселком окружающим казалась ее «смирная», «домашняя» природа. Скромный труд, отказ от суеты, честное лицо. После того урока Сатоко шла домой и на ходу застегивала серьги. Нужно успеть остановиться в живописном месте, где дома получше, и записать кружочек для Минато, который ждет. Остановившись, она расстегнула пуговицы негнуцимыми пальцами, застывшими от страха: «Вдруг увидит кто?». Но так хотелось показать ему немного шеи, чтобы он почувствовал в губах искрящееся жжение, направленное на порозовевшую от взгляда кожу.

Они с Минато в интернете познакомились. Она сняла пару видеосюжетов в Тик-ток, где говорила о любимых книгах. В реальной жизни с ней никто о них не разговаривал, так что она не ради славы, разговора ради. В итоге все это так жалко получилось и так трогательно смотрелось, что из пары тысяч вымученных с горем пополам просмотров нашелся тот, что вывел диалог из двух молчаний, одиночеств и переживаний. Минато написал ей не по-дружески, отчаянно и требовательно, как тонущий - на сушу. С первых сообщений ощущался... нет, не флирт, а что-то большее. Родство душ? Можете смеяться, но так оно и было! Разговоры быстро перешли в обмен потраченными жизнями: они играли в то, что

навязали им из вне, и не могли оттуда выбраться. По тропе судьбы бродили аватары без сережек, без причесок и без личности, бились насмерть с выдуманными врагами и теряли время. Нужно вырубить компьютер, снять виар-очки, выдернуть осточертевшие наушники. Минато и Сатоко на роду написано быть вместе, а не вот это вот все. Их создали как будто по заказу друг для друга. Все больше пуговиц сдавалось ошалевшим пальцам. Какие могут быть еще сомнения?

Финансовые. Социальные. Биологические, в конце концов. Минато уговаривал Сатоко бросить все и переехать в Токио. Все равно ее никто не любит и не ценит, в школе можно открывать дурдом, а дома - концентрационный лагерь. Она не сможет вечно прозябать в своем Сакаиминато. Кроме улицы Мидзуки Сигэру, заставленной игрушечными призраками, будем честны, там нечего терять, даже если разозлится океан и поглотит эту провинциальную дыру. Даже ёкай оттуда переехал, чему свидетельство - его успех. «Ну правда, милая, в селе на острове Хонсю никто не делает любви с карьерой. Там все такие злобные из принципа тотального и всеобъемлющего невезения!» - писал Минато. Эх, ему из Токио советовать легко! А ей, Сатоко, девочке, которой не на что купить тайяки, нужно взять откуда-то большие деньги и купить билет в один конец, где «конец» - это не романтическое преувеличение, а ее конкретное обозначение ее судьбы. Если отец нагонит и найдет, для Сатоко небо с неба упадет. Она окажется в «тюремном интернате» (так у них зва-

ли центры временного содержания для трудных и психически больных подростков) быстрее, чем увидит своего любимого. Даже до вокзала не доедет - спалится. Закон жанра. Она знает не одну такую вот историю любви за крепостными стенами. Итоги? Девочки и мальчики выходят мятыми, освистанными, никому не нужными, чтобы потом насытить улицы своей дешевой кровью. Да, она маленькая девочка и ей страшно. Нет, не менять свою жизнь. Ее пугает, что менять после этой авантюры будет уже нечего.

Она так нервничала, когда расстегивала школьную рубашку, что не заметила, как в объектив попал сине-зеленый след на впадине ключицы. Она уж не вела им счет с того момента, как взяла без спроса деньги и проколола уши. Ее наказывали - это справедливо. Ведь после наказания побоями люди прекращают быть плохими и начинают быть хорошими, это же всем известно. Только Сатоко не спешила с превращением и стойко выносила процедуру исправления себя. Фигня, не очень-то и больно, только стыдно. Минато ни о чем таком не знал. Зато теперь увидел этот след и...

— Ты мне не говорила, что живешь с маньяками!

— Да я не...

— Почему ты врешь? Молчишь и покрываешь это преступление! Кусо! Они ж убьют тебя, ты это понимаешь?!

— Не злись, пожалуйста! Я не знаю, как тебе об этом говорить.

— Ябай... Ладно, ты не виновата, это все они. Теперь ты

видишь, что не можешь больше жить в таких условиях? Я не позволю, слышишь? Приезжай!

— Куда я денусь? Как? На что? Меня искать будут! Отец меня убьет, и это не фигура речи.

— Сат-тян, посмотри на вещи трезво: он и так тебя избил за серьги!

— За деньги. Я украла...

— Ты взяла! Тебе за многолетний труд не дали ни копейки, а ты еще стесняешься забрать свое! Потворствуешь абьюзу, девочка. Это чистейшая эксплуатация ребенка и, между прочим, уголовно наказуемое преступление!

— Надо было попросить...

— Ты не просила разве? И что, дали?

— Сказали подождать, сейчас не до моих капризов...

— Ну вот! Что и требовалось доказать: до тебя им никакого дела!

— Он же не может просто так простить, раз я ворую деньги. Наказание такое...

— И ты считаешь это нормой?

— Нет...

— Тогда о чем ты? Чемодан, вокзал, Токио. Запомни: к тебе всегда будут ужасно относиться, пока ты будешь позволять все это делать. Жертва становится собою добровольно. Абьюзер просто чувствует ее готовность и автоматически выходит с текстом, заготовленным для этой роли. И ты на этой сцене - лишь актер, который развлекает публику бес-

платно. Вырываешь душу по кускам, а они, голодные до зрелищ, смотрят. Очевидно, лучше у тебя в семье уже не станет. Прими это как данность и забудь.

— Ты так уверенно все это говоришь, но что мне делать? Я хочу к тебе, я живу тобой, но боюсь, от моего побега будет только хуже. Мне запретят с тобой общаться, я останусь совсем одна. Еще и в интернате...

— Сат-тян, давай уж честно, без обиняков, куда уж хуже? Тебя тиранят в школе, избивают дома, не пускают погулять, того гляди узнают, как ты пользуешься телефоном, и отнимут. Что тогда? Меня не будет рядом. И я не знаю, как тебе помочь, когда ты там, а я - в другом месте. Если ты исчезнешь из онлайн, я сойду с ума от беспокойства. Может, тебя избили до потери пульса, а я сижу и... ничего не делаю, прикинь? Сжимаю телефон и разжимаю, как будто это что-то даст! Как мне, любящему человеку, с этим жить? Я же люблю тебя, Сатоко, это для меня серьезнее, чем вся серьезность мира вместе взятая!

— Я тоже тебя люблю, анато, верь мне! Если бы не ты, я бы вообще не знала, стоит ли Сатоко просыпаться по утрам.

— Тогда в чем дело? Нечего терять!

— А ехать тупо не на что.

— Ты уже украли деньги и потратила на пирсинг. Поздравляю, в мире взрослых ты уже преступница! И такая, что тебя можно избить, хотя в суде у нас такое наказание отсутствует. Нормально?

— Нет, но он подумает...

— Да какая разница? Возьми еще!

— Такая сумма сразу привлечёт внимание. Я не успею даже сесть на...

— Я помогу тебе! Я все устрою! Возьми на первые расходы столько, сколько сможешь, а в остальном не парься, деньги будут! Только бы тебе до Токио добраться без помех. И знаешь, что? Идея есть! Я попрошу знакомого, что б он тебя подбросил на машине до станции Ёнаго, оттуда сядешь на экспресс до Окаямы. Из Окаямы поезд Синкансэн довозит прямо до центрального вокзала. Видишь, я все рассчитал! Решайся!

— У тебя здесь есть знакомые? А это безопасно?

— Еще бы! Я ручаюсь за него.

— Он может знать моих родителей...

— Не знает! Он из Токио и будет там проездом, по своим делам. Он бы довез тебя до города, но это для него опасно. Если что, получится, что он украл девчонку из деревни. Не очень-то красивая история для женатого мужчины. Я и так с трудом его уговорил.

— Ты уже говорил с ним? Не обсудив со мной?

— Сат-тян, ну перестань, я был уверен, что ты согласишься! Подумай, это же единственный наш шанс! Мы так долго говорим об этом, что пора действовать! Теперь я знаю, что там у тебя в семье, поэтому не стану медлить. Ты как хочешь, только я - не из таких, что позволяют бить свою невесту. У

меня тоже есть мужская честь. Пойми, мои намерения выходят за пределы чашки кофе в Старбаксе. Мы поженимся, когда закон позволит, и будем вместе. Навсегда. Я - твоя семья, ты - моя. Ты разве этого не хочешь?

— Хочу! Но...

— Никаких «но»! Я договариваюсь с ним на эту пятницу. У тебя почти четыре дня на сборы. Много не бери с собой - лишь привлечешь ненужное внимание. Один рюкзак. Главное - документы не забудь. Договорились?

— Погоди, а где я буду жить?

— Со мной. Нет, если ты не хочешь, не готова, то...

— Хочу!

— Я знал, что ты у меня смелая и не жеманишься, как глупые девчонки. Настоящий самурай!

— Да я не смелая, я просто хочу...

— Замуж?

— Погоди, не вешай трубку!

Сатоко отложила телефон подальше и прислушалась. Нет, не показалось! За ее спиной стоял учитель, Танака-сэнсэй, и неодобрительно разглядывал экран смартфона. Из щелей его сощуренных от злости глаз веяло замогильным холодом. Кожа его лица напоминала старые истершиеся карты. Он приблизился. Сатоко стало страшно.

— Сатоко Ватанабэ! Я так и знал! Вот почему ты на уроках спишь! Какие-то преступные романы! В таком-то возрасте! Ты только посмотри, куда ты катишься?!

— Простите?

— Ты думаешь, тебе все это с рук сойдет? Я достаточно услышал и достаточно увидел, чтобы позвонить твоим родителям немедленно! Что ты себя позволяешь? Рядом школа, а ты ходишь, как... распутная девица! Как, не побоюсь этого слова, сбежавшая Минэ! О чем ты думаешь? Это же верный путь...

— В гиену огненную?

Упс! Случайно получилось! Она вовсе не хотела усложнять, но почему-то не смогла сдержаться и прикусить язык. Тем более Минато все это услышал и чуть не умер со смеху. Теперь ей кажется, что эта идиотская отвага была ирисом, протянутым ему сквозь километры.

Учитель цвета спелого граната взорвался, как и подобает плоду, распираемому изнутри.

— Нет, это уже никуда не годится! Дерзить учителю! Какое хамство! Твоя мать, должно быть, дома? Мы сейчас же отправляемся к тебе домой, Сатоко-сан! Я вынужден лично провести эту беседу, пока не стало слишком поздно. Речь уже не о твоём будущем, оно разрушено и в этом нет сомнений. Речь о том, чтобы сберечь честь школы, уважаемого заведения, в котором ты учиться явно не планируешь!

— Извините, я не...

— Хватит лжи! Я не нуждаюсь в оправданиях. Сейчас же передай сюда смартфон! Это для твоего же блага! Когда-нибудь ты образумишься и выйдешь замуж. Тогда-то и пой-

мешь, что я был прав и выполнял свой долг.

Из трубки донеслось отчетливое: «Нет!». И сердце вторично горячему призыву. Если Сатоко Ватанабэ вытянет вперед дрожащую от страха руку, где лежит ее сокровище, ее любовь, ее спасение, никто не вспомнит, кто она такая. Никто не узнает. Ее сотрут. Ради ее же блага. Идеальное убийство среди бела дня. Убил... садовник? Нет, сложнее. В жизни никогда не убивает ни дворецкий, ни уборщица. Их, убийц, на практике гораздо больше. Вот и сейчас учитель протянул свою пергаментную руку с забытыми маршрутами пиратов, караванов и купцов, чтобы ограбить и стереть размашистую линию туши, которой смелая рука художника нарисовала гордый профиль девушки. Если она позволит, больше ничего не будет. Чистый лист, в который обернут полезное. Полезное для всех, кроме нее.

А кисть уже тянулась к роли Каина. Предательство всегда оказывается легче, чем сопротивление. Но тут Сатоко резко выдернула руку из подъема, развернулась и побежала прочь, не обращая ни малейшего внимания на крики. Связь прервалась. Последнее, что краем слуха подцепила юная беглянка, было чуть ли не мольбой: «Беги!». От сердца или от «солнца»? Какая разница, если они - одно?

Дома Сатоко с грохотом закрыла дверь и патокой сползла по стенке. Ей было жарко, ноги подгибались, по лицу змеился липкий пот. Пуговицы она так и не застегнула, бежала так. Ее сопровождали взгляды, черные от осуждения. Пле-

вать! Что делать? Этот Танака - настоящий псих, он доберётся до ее родителей, дозвонится даже до усопших, лишь бы довести «благое дело» до конца. Учитель замешает ее имя с грязью и получит тесто для лепешек назидания потомкам, а ей придется как-то разгребать последствия этого «урока». Минато написал, что это к лучшему. Теперь она сама, похоже, убедилась, что дома у нее не будет «жизни, как у всех», что выбор - кажущийся дом, мираж услужливого сознания, которое пытается вцепиться в трещинки на гладких скалах реальности. Сатоко просто движется накатом по своей судьбе, которая ведет ее к нему, и спорить не о чем. Думать не о чем. Вещи надо собирать, вот что!

Сатоко восхищали эти дерзкие слова, безбашенные планы, сильные чувства, обнаженные до «Жду!». Но та земная ее часть, которая все медлила и собиралась с духом, упорно тормозила сборы и надеялась, что «оно» само решится и затянется, как ледяная корочка по осени. Если она присядет и подумает спокойно, без эмоций, как и подобает бодхисаттве, из ее разумных мыслей выйдет оризуру (журавлик из бумаги) или кусудама (шарик из нее же). Ведь ее любимые герои находили выход, потому их славные истории стали книгами. Вот и она, Сатоко, чем не героиня? Сейчас как возьмется за решение проблемы, так сразу перья полетят и засверкает сталь!

Лишь позже девочка поймет, что сталь решения проблемы засверкает только в книгах. Что в жизни человек не мо-

жет просто сесть и силой мысли разрубить гордиев узел обстоятельств, которые его душат. Как ни думай, а учитель, язва, позвонит, наябедничает с три короба, возможно, даже походатайствует об исключении. Как ни вертись потом, отец достанет первый завалившийся предмет и пустит его в спину, а потом приблизится и будет бить ремнем, рукой, тапком, чтобы в доме жили по «сидзукэ» (дисциплине) и вели себя хорошо. «Порядок важнее комфорта» - часто повторял отец в ответ на робкие увещевания матери: «Взрослый мир не будет с ними церемониться, поверь мне. После дождя земля становится тверже».

Весь день Сатоко занималась с младшими детьми и грезила о том, что можно было бы в теории предпринять (Сбежать сейчас? Наврать родителям? Съесть маффин?). Но вечером никто решение проблемы не впустил, оно не постучалось и никак себя не проявило. Стоит ли рассказывать, как «папа» нервно стаскивал с себя ремень? Стоит ли тратить внутреннее время на экране, показывая спину матери, которая намыливала жирные края таюки. Надо ли говорить о том, что сестры занимались куклами и рукоделием, не нарушая свой ежевечерний ритуал? На следующий день звонила бабушка и сообщила, что девочкам сейчас еще сложнее выйти замуж, чем когда-то. Мужчины делают карьеру, копят деньги, а Сатоко будет им мешать. Поэтому ей нужно хорошенько поразмыслить о своем ужасном поведении и вымолить прощение у директора. До пятницы она придет в себя

от... несчастного случая. А потом пойдет с родителями на поклон, уже все оговорено и схвачено. «Спасибо, бабушка» - сказал бесцветный голос. И да, не дай ей бог отвесить недостаточно глубокий сайкэйрэй перед директором и педагогом. Сатоко, дурочка, еще наплачется с таким характером, для женщины и вовсе неприемлемым. Ей повезло, что бабушка не рыбой у нее торгует, имеет связи. Иначе бы...

Телефон, конечно, отобрали. Но не удалили ее профиль в соцсетях, не заблокировали Минато, не подняли переписки. Она не знала, что сказал учитель про побег и понял ли, что речь шла о побеге, но про Минато, Токио и пятницу никто не говорил. Сатоко обвиняли в наглости, небрежности в учебе и непристойном внешнем виде. Учитель был уверен, что усталость и сонливость - верный признак «телефонной лихорадки» и зависимости от Тик-тока. Поэтому «вместилище греха» изъяли. Но младенца и его ночные вопли оставили без изменений. Ничего, Сатоко не привыкать к трудностям. Зато в ночную вахту она могла переписываться через ноутбук с возлюбленным, который ее ждал.

Минато - не из тех, кого легко сбить с цели. Узнав о телефоне, наказании, побоях, от которых ей садиться больно, он лишь ускорил доработку плана, который из мечты отчаянных подростков превратился в выход из песочной ямы. Если раньше Сатоко грезила, но не воспринимала это приключение всерьез, считая себя неспособной к риску, то теперь она осталась наедине с лестницей в темнице. Вдруг она по-

няла кожей окружающий ее песок и осознала, что деваться некуда. Либо ее засыпят обстоятельства, укроют с головой, либо она возьмется на потрескавшееся дерево стремянки и выстелет себе подъем шагами. Истинно так: все дхармы (явления) подобны сну, миражу, отражению луны в воде, эху. Они не стоят дрожи в тоненьких руках, не стоят слез и спазмов боли, скручивающих виски. Зачем переживать? Карма действует в пределах сна, пока вы не проснулись.

Сатоко? Эй? Ты в норме? Доброе утро, милая, пора вставать!

Нирвана - это не «уход» куда-то, а прекращение неведения, порождающего сансару.

Глава 3: Олег

Ох уж эта боль кленов! Никогда не мог пройти мимо без щемящей грусти и лезвия тоски на языке. Кажется, что реки крови льются прямо в воздухе, а никто не видит. Кого-то убивают равнодушно и не торопясь, пока свидетели проходят мимо. Здесь осень, яркая, как смерть на поле боя под Нагасино, когда впервые применили аркебузы, застыла над землей кровавыми подтеками и золотыми солнцами на флагах императора нисики-но михата...

— Олег, ты дышишь?

— В высшей степени сомнительно, что так.

— Нормальные ответы кончились?

— Прости, у меня полные карманы желудей, но нет ни одного ответа.

— А сигаретка есть?

— Ты куришь?!

— Мы два года вместе учимся, а ты не знаешь?

— Цугцванг.

— Чо?

— Позиция, когда любой ход игрока ведет к ухудшению положения. Я не знаю, как отвечать женщинам на каверзные вопросы. У меня не было «женциноведения» в школе, сумимасэн.

— Ты специально меня выбешиваешь сегодня? Какое еще «женциноведение»? Тебе «дебиллопросвещения» не хватило?

— Ох, Сири, переведи на женский...

— Я поняла, что ты - дурак и извиняешься, не трать зарядку! Боже мой, ну почему все парни из России - такие женоненавистники?

— Служба!

— Поясни.

— Если солдат не ненавидит, как он может быть солдатом?

— Тебе-то откуда знать? Ты же из рода потомственных дезертиров.

— Грубо. Но я лучше буду дезертиром, чем убийцей и убитым.

— Пацифист?

— Не дурак.

— Поэтому ты все мозги мне прожужжал про ратные самурайские подвиги?

— Ты не можешь понимать страну без знания ее истории.

— Я посмотрела фильм «Нанкинская резня» и больше ничего не могу слышать об истории. Это омерзительно!

— Лия, милая, ну посмотри вокруг! Ты чего такая злая, напряженная? Оглянись! Мы в парке Уэно. Мы уже видели Токийский национальный музей и пруд Синобадзу. Все даже лучше, чем показывали в нельзязграме! Какие лодочки! Какие виды! Мы покормили уток, карпов, черепах, теперь настал черед вот этих белок. Они привыкнут к нам и подойдут. Ты, раз такая бука, можешь снять, как я кормлю их, и отправить в чат, чтобы купаться в реках зависти и злопыхательства по отношению к любимчикам фортуны. Что не так? Чего тебе для счастья не хватает?

— Не знаю. Ощущение, что торт уже подали, гости разошлись, подарки уже вскрыты, а ничего волшебного за вечер так и не случилось. Я так рвалась сюда все эти годы, а теперь... магия прошла, а я осталась.

— Ты издеваешься?! Мы еще и половины от Японии не увидели! Торт еще не подан! Да и гости собрались не все. Вечеринка в самом...

— Ты не понял! Япония - молодцом, с ней все в порядке, как и ожидалось. Просто я взяла сюда себя и это ничего не изменило.

— Я же говорил, что чемоданов много! Куда там...

— Дурачок. Но настроение поднимаешь. Как-то сразу за права обиженных бороться захотелось. Кажется, что женщины в беде. Чую запах гендерного угнетения. Как ты это делаешь?

— Мизогинатор три тысячи! Почти как вибратор, только...

— Заткнись!

— ...Ласкает женские мозги, приятно возбуждая их эмансипацию в причинном месте...

— Олег, ты труп!

— «Как ныне собирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам...»

Лия напала неожиданно, как японские миноносцы - на русскую эскадру Порт-Артура. Своими острыми когтями она преодолела мягкие барьеры моего свитера и устремилась к незащитной плоти. Я же говорил, что Йорогумо. Лия спорит, впрочем, я не удивлен. Природа демона вынуждает его к притворству. Коварный ёкай принимает облик обольстительной красавицы, которая заманивает вас в пещеру. Шелковое кимоно развивается на ветру, лаская совершенные изгибы. Из прически выбивается блестящая на солнце прядь. Вы - не монах, идете, на ходу бросая панцири доспехов. А там, в пещере, юная прелестница снимает... человеческую кожу. Под ней оказывается паук с тигриным телом и лицом Ёсино-таю. Он толстый, потому что в нем сидят другие пауки и ждут своего часа. Вы спохватились, сжали рукоять меча,

но поздно: Йорогумо побеждает мороком. Боец не успевает среагировать. Он, одурманенный видением, путается в липкой паутине, пока Ёкай его неспешно поглощает. Лия была нетерпеливым пауком, поэтому стадию соблазнения пропустила. Я ей сказал об этом, а она опять обиделась! Одно слово: женщины...

Мы часто проводили время вместе, потому что оба были такими же открытыми, как Япония до 1854 года. То есть никакими. Да и японская ментальность не предполагает близкого общения с чужаками. Это становится понятно только тем, кто встроился в среду и стал налаживать какие-то социальные контакты. Как объяснить? Представьте себе медузу. Снаружи она кажется аморфной, обтекаемой и скользкой. Она подстраивается под течение, не спорит с океаном. Это «сото» - внешний мир, публичное пространство, где вы надеваете маску вежливости и превращаетесь в дипломата. Но внутри у медузы есть уютный, обжигающий ядом секретный карман, куда она не пускает никого. Это «ути» - дом, своя стая, зона, где можно наконец-то выдохнуть, снять галстук и начать чесать то, что чешется, не боясь осуждения. Японская цивилизация построена на этом тектоническом разломе: вы существуете ровно посередине между парадным поклоном и глубоким зевком на кухне.

Самый яркий пример - волшебное преобразование человека после шести. Допустим, вы видите японского офисного клерка на переговорах (сото). Это робот с идеальной осан-

кой, запасом фраз «величайшее почтение» и таким выражением лица, будто он принимает парад планет. Он сыплет дежурными улыбками и выдерживает такие паузы, что любой театральный режиссер удавился бы от зависти. Но вот вы случайно заходите с ним в одно изакая (пивнушку) после работы, где он оказывается в кругу коллег-собутыльников (ути). Тут происходит взрыв. Галстук превращается в удавку на лбу, босс, которого час назад облизывали с головы до ног, становится объектом безобидного (но очень смелого!) подтрунивания, а пиво льется рекой. Это не лицемерие в западном понимании, а священный ритуал разделения сцен. «Социальное лицо» сдается в гардероб вместе с пальто.

Дикая магия ути раскрывается в еде. Пока вы гость (со-то), вас будут кормить с ложечки, словно фарфоровую куклу, подкладывая лучшие куски и извиняясь, что угощение «невкусное и жалкое» (ложь!). Но стоит вам стать членом семьи (ути), начинается коммунизм в отдельно взятой тарелке. Тот самый кусочек последней темпуры, который лежит на блюде, не достанется никому по вежливости. На него идет охота. Начинается семейная битва, где мать семейства с криком «я хозяйка, мне можно» ловко выхватывает деликатес палочками у родного сына. Правила «гири» (долга) отключены, работает только голод. Это высшая степень доверия: мы настолько свои, что можем чавкать, толкаться и не кланяться еде перед тем, как ее съесть.

Трагикомедия разворачивается, когда эти круги пересе-

каются, например, у входной двери. Встреча гостя у порога - это квантовая физика. Пока гость стоит на улице, он сото, чужой. Переступив порог гэкан (прихожей), он становится ути, почти родным. Поэтому ритуал требует священнодействия: хозяин застывает в позе «смирренно прошу вас войти», гость - в позе «нет-нет, я недостойн, я постою тут в пыли». Эта пантомима может длиться дольше, чем сам визит. Но стоит гостю снять обувь, магия спадает: «Аке о маттэ кудасай» («Подождите, пожалуйста») сменяется на короткое «Маттэ» («Жди»), а улыбка с экрана на 1000 ватт убирается в карман до следующего выхода в свет.

В этом и кроется главный культурный шок для иностранцев вроде меня и Лии. Мы привыкли, что искренность - это когда ты со всеми одинаково груб или одинаково вежлив. При нелюбимом начальстве мы угрюмо морщимся и даже спорим с ним. Такими же суровыми мы едем после офиса в метро, такими же заходим в дом, такими же мы жалуемся сотрапезникам и выслушиваем жалобы в ответ. Лица проясняются тогда, когда есть повод: вечер в баре, торт на столе, богатых блогеров принудили платить налоги. В Японии же искренность - это именно зазор между сото и ути. Чем больше разница, чем громче начальник ржет в баре и чем подбостратнее он же кланяется клиентам утром, тем он «аутентичнее». Высший пилотаж социальной акробатики, чтоб вы понимали. Быть своим - это великая привилегия видеть человека без фильтров: потным, пьяным и голодным. Поэтому

когда японец перестает перед вами извиняться за беспорядок, которого нет, и молча сует вам в руки швабру, чтобы вы помыли пол после ужина, - возрадуйтесь. Двери ути открылись.

Все это мы с Лией понимали из теории, но на практике были неуклюжими профанами в сфере межличностных коммуникаций. Нас и дома мастерами не назвать, а здесь мы гордо шествовали по канату с ведрами вместо кроссовок, как персонажи на картинах Босха. Конечно, нам прощали это вопиющее отсутствие утонченности и воспитания, потому что мы были приезжими и хотя бы пытались понимать культуру. Простых туристов еле выносили. Но по лицам и манерам этого не скажешь. Я научился различать неодобрение по прищуру глаз и вздрагиваниям крыльев носа. Так и жил. Потому что откровенно эти парни ничего не скажут. Принцип «энрё» («сдержанность»).

Что до меня, то мне эта культурная особенность по голове не била (чего не скажешь о родных пенатах, где за пирсинг и анимешные принты мне приходилось «пояснять»). Я был рад, что все окей хотя бы номинально, и в друзья на век не лез. Японцы неизменно были вежливы, корректны, избегали споров о политике и скользких личных тем. Им не нужно было оправданий и гражданских манифестов. Мы преимущественно говорили об учебе, бытовых аспектах языка (как попросить на кассе отложить товар и звучать естественно), туристических открытиях (куда поехать, чтобы посмотреть...).

Они охотно приглашали на прогулки, объясняли тонкости национальных блюд, показывали достопримечательности и музеи. Но я не мог отделаться от мысли, что нахожусь всего лишь на экскурсии по знаковым местам с ребятами, которых попросили взять под опеку непутевых иностранцев, «немного говорящих по-японски». И все-таки это лучше, чем агрессия, насмешки, равнодушие, которыми у нас встречают некоторых «понаехавших». Я не чувствовал себя «в тягость» или «лишним». Напротив, ко мне проявляли интерес, внимание и учтивость. Было бы нагло требовать чего-нибудь еще.

Но не все из нас усвоили разницу между «сото» и «ути». Помню, встретились мы с Лией выпить кофе, а она мне:

— Тут работает «Тиндер» и знаешь, что из этого следует?

— Ты свайпнула меня влево?

— Конечно! Между русскими ребятами и теми же японцами разница размером с Колосса Родосского.

— Не сравнивал - не довелось.

— Иди ты! Я тебе вовсе не об этом говорю. Культурный код, морально-нравственные понятия и все такое.

— И в чем же разница, великая мудрица?

— Смотри, а лучше сразу конспектируй. Если приходишь на свидание с нашим пареньком, услышишь много интересного: не так одета и накрашена, не так ведешь беседу, вокруг одни тарелочницы, бабы за айфон и хтось со дна мизогиничных интернетов. Пакость!

— А японцы сразу замуж предлагают? Не заметил на руке кольца.

— Эх ты, деревня! Кому нужны ваши патриархальные уловки? Куда приятнее для девушки, когда заботятся о ее самочувствии, сиюминутном состоянии, ее «ва» (гармонии). Например, я пошла в кафе с одним японцем, очень симпатичный, кстати, просто кукольный, так вот он сразу обозначил: «Я знаю, мы договорились на свидание, но если тебе что-то не понравится и будет некомфортно, ты можешь уйти в любой момент, я не обижусь. И говори, если тебе вдруг неуютно, я постараюсь сделать лучше». Ты видишь, какая предупредительность? Какой такт? Он не стесняется признать, что может не понравиться, не подойти по вайбу. Круто? По-моему, куда лучше, чем «все девушки - тарелочницы в наше время» и красноречивый взгляд на счет.

— И как беседа? С ним было «комфортно»?

— Более чем. Ни одного неловкого вопроса. Пять звезд.

— А весело?

— Ну...

— Интересно?

— Вообще-то да, но...

— Интригующе?

— Ты уже загнул!

— И так, как будто сотню лет знакомы?

— А у тебя, можно подумать, каждое свидание такое!

— Вот видишь.

— Что я должна видеть?

— Что твой бойфренд - заложник зоны «сото». Он не выходит за границы вежливого обхождения, навязанного ему средой. Его изящные ужимки и «корректные» пассажи разыгрываются по нотам. Он тебе скармливает заготовки, а сам находится в тени и наблюдает, как ты ешь, чтобы решить: стоит ли выходить на свет перед такой обжорой?

— Токсик спич! Завидуешь потенциальным конкурентам!

— Нет, просто смотрю еще раз анимэ про Амацую Кисараги. На первый взгляд примерный ученик, учтивый мальчик, но на деле он - двуличный и расчётливый стратег, который изначально воспринимает девушек лишь как ступеньки к своей главной цели.

— Мыслишь штампами из поп-культуры?

— Скорее вешаюсь на амбразуре, чтобы ты задумалась: как много ты узнала за прошедшее свидание? И можешь ли довериться тому, кто сам тебе не доверяет?

— Спасает дурочку?

— Люблю подругу. И Йорогумо в ней.

— Ты - бочка дегтя с ложкой меда. Но спасибо. Впредь буду выбирать японцев более разборчиво.

— Советую начать с коллекции Bondoro (объемные глянцево-наклейки "Bon Bon Drop Seal")

Весь этот скачущий ликбез по японскому менталитету послужил мне объяснением того, почему мы с Лией ощутимо сблизились и проводили много времени вдвоем. В нашем об-

щении не было романтики (да, не было, не надо так смотреть!), зато мы могли дурачиться, шутить и веселиться так, как привыкли у себя, и это было ценно. Только Лия понимала игру слов на русском языке, только она ценила политически опасный юмор и только с ней я мог задвинуть толерантность за шкаф-стенку нулевых и выдать нечто абсолютно неформатное для западной системы обучения. Япония все-таки следовала общим трендам и плохо относилась к панчам в духе Слима Шейди. А Лия - хорошо. Хоть и неистовствовала цунами после некоторых из них. Но для нее борьба - игра в бисер. Она не может просто так сказать, что ей понравилось. Сперва ударит по патриархату острым женским словом, потом подумает и станет кушать, как Людмила в заточении Черномора. Это отпугивало многих неудачников, но не могло всерьез задеть меня. Я видел, что за девицей скрывается паук, за пауком - девица, за девицей... и так десять раз, пока вы не поймете: это русская матрешка и японский бог, при том «Япооонский бооог!» звучит, как ярмарочное ругательство. Каюсь, я никогда не успевал за сменой ее слов. То агрессивная, то уязвимая, она боролась с тем, что видела, чтобы потом как следует над этим посмеяться. Не женщина. Мистерия.

Так думал я, прогуливаясь с ней по парку. Как много осени в его минимализме!

«О кленовые листья!»

Крылья вы обжигаете

Пролетающим птицам.»

Эти строки написал три века назад японский поэт Сико Кагама. Метко сказано! Клены такие красные, что глазам больно. Чтобы их добить, в саду Рикугиэн включили подсветку деревьев, когда уже стемнело. Золотые огни на фоне сумеречного неба напоминали мне улыбчивого дракона с непропорционально длинными хвостами. Я не убирал смартфон, чтобы присваивать и гладить пальцем то, что вижу. Скоро телефон объявит мне бойкот и прекратит качать необходимые для жизни обновления. Но ради этих видов я готов на жертвы.

Авеню гинкго в Мэйдзи Дзингу парке - длинная аллея под сводами деревьев гинкго, и везде, над головой и на земле, - ржавая медь листвы. Вот что ей все не нравится, а? По-моему, здесь рисунки мастеров выходят за границы хмурого листа и подменяют реальность, такую бестолковую растяпу, что она роняет все из рук. Да как она не видит, что кусты подстрижены идеально, плитка выложена ровно, а контур островерхих пагод живописно вспарывает небо. Что происходит с небом, если не сэппуку? Это же потрясающее зрелище, не рыбий хвост проспекта, где одни хрущевки. Лия видела контраст, но реагировала как-то вяло и без огонька. Зачем она вообще решила изучать японский? «Влюбилась в Йо Асакуру» - отвечала она мне. И не поймешь, серьезно она это или

как? Мне тоже в детстве нравился веселый «Шаман Кинг», но не до такой же степени! «Окей, во что тогда влюбился ты?» - как рассказать ей поле, которое совсем не поле?

Вакатта! Вечерний Токио. Я начну с него. Он накрывает меня не как ночь в Москве, таким, знаете, тяжелым бархатным пологом, а как-то так технологично и многослойно, словно город накидывает мне на плечи супер-геройский плащ из света и вибраниума. Я выхожу из общежития, когда солнце, этот уставший сёгун в мандариновых доспехах, уже отступило за Фудзи, оставив небу в наследство сложную гамму: от индиго до болезненно-розового, как волосы какого-нибудь аниме-злодея.

Мой маршрут лежит от тихой Комабы напрямиком в неоновый омут Сибуи. Я ныряю в готовый киберпанк-сборник рассказов, который написал бы Басе, если бы ему выдали MacBook и безлимит на Spotify. И я, студент МГУ по обмену, чувствую себя здесь немного Чихиро из «Унесенных призраками»: попал в мир духов и странной еды, мне страшно и безумно интересно, а отступать некуда - позади только стеклянные двери комбини.

Первое, что встречает меня на подступах к центру - это, конечно, запах. Тонкий, солоновато-сладкий аромат якитори просачивается сквозь шум, как зов сирены, и ты понимаешь, что Танатосу в Японии противостоит не Эрос, а соус тарэ. Лабиринт улочек возле станции, так называемый «Пьяный переулочек» Нонбэй-ёкотё, встречает меня россыпью кро-

шечных идзакая, каждое из которых размером с мой шкаф в общаге, но с душой императорского дворца. Из приоткрытых сѣдзи, заклеенных пожелтевшими меню, вырывается пар, смех и шипение мяса на гриле. Тут сидят сарариманы, снявшие галстуки и, кажется, часть своей вежливой брони. Они смеются так, будто завтра не наступит, и я вспоминаю, что хмельной краснолицый японец - это мифическое существо, дух-перевертыш, который утром снова станет скромным клерком, а сейчас цитирует строфы из хэйанской поэзии, обсуждая бейсбол. Вроде да, бейсбол, если я ничего не путаю. От местного пива голова немного кругом, но ничего, это же согласуется с символикой Хиномару (японский флаг).

Втискиваюсь в щель между рекламными щитами и выхожу напрямиком к знаменитому перекрестку Сибуя. И вот он, момент духовного единения с чужим народом! Загорается зеленый, толпа взрывается броуновским движением. Это же чистая геометрия человеческого хаоса! Со стороны кажется, что ты попал в опенинг какого-то аниме про школьников, спасающих мир в перерывах между экзаменами. Пять гигантских экранов над площадью транслируют клип какой-то J-Pop группы. Девушка на экране с глазами размером с блюда для рамена поет о любви, а ты стоишь в толпе, где каждый второй выглядит как персонаж, которого долго и мучительно рисовали в Procreate: тут и парень с прической а-ля Супер Сайян Год, и девушка в полном облачении Лолиты, похожая на фарфоровую куклу, сбежавшую из лавки древно-

стей Викторианской Англии. Ощущение? Умопомрачительное, я серьезно! Каково ребенку в ящике с игрушками? Вот и мне так! Если б я набрался смелости коспеть фигом, жизнь моя прошла бы по-другому.

Но я не набираюсь, как слова, которые не узнаёт Т-9. От визуального шума я устремляюсь в более духовное место. Сажусь на электричку линии Яманотэ, этого зеленого уробора, пожирающего свой хвост, ну и, что греха таить, и пассажиров заодно. Доезжаю до Акихабары. Если Сибуя - это сердце потребительского рая, то Акиба - его гипофиз, вырабатывающий безумные гормоны поп-культуры. В вечернем воздухе вибрирует электричество. Каждое здание - слоеный торт, где на первом этаже продают транзисторы и кабели, достойные лаборатории Теслы, а на седьмом - фигурки девочек-волшебниц в откровенных позах, и это соседство никого не напрягает. Это синтоистское всеприятие: дух живет и в камне, и в микросхеме, и в аниме-фигурке. Также дело обстоит с деньгами.

Забрел в многоэтажный манга-кафе, лабиринт тишины и шелеста страниц. Вокруг, в желтом свете ламп, сидят хикикомори и просто уставшие люди, читающие тома «Берсерка» с таким лицом, будто это свитки Мертвого моря. Я взял с полки наугад томик хентая чисто в академических целях (изучаю культурные коды, да), и меня чуть не стошнило эстетикой шупалец. Тут же захотелось пойти и прочитать что-то жизнеутверждающее, например, «Ван Пис». В этом ведь

весь Токио: сегодня ты сражаешься с внутренними демонами под аккомпанемент битбокса роботов, а завтра веришь в силу дружбы и лапшу удон (последнее - моя реприза, отделяющая одну традиционную ценность от другой).

Покидаю электрический рай и перемещаюсь в Асакусу, к храму Сэнсо-дзи. Это гениальный градостроительный трюк: после визуальной эпилепсии Акибы вы попадаете в открытый и бутафорский Эдо. Огромный красный фонарь под воротами Каминаримон горит в ночи, как маяк для заблудших душ. Улица Накамисэ-дори, днем забитая под завязку, сейчас сонно сворачивает свои прилавки с веерами и печеным в форме ниндзя. Я прохожу под соснами к храму, бросаю монетку в 5 йен (счастливая, с дырочкой, чтобы судьба могла нанизать мои удачи, как нефритовые бусы), хлопаю в ладоши, чтобы разбудить богов. И тут, честное слово, на фоне пятиэтажной пагоды, подсвеченной так умело, что она кажется бесплотной голограммой, в небе загорается первая звезда. Или это Тэнгу (японский дух неба)? Чувствуешь себя героем манги Хокусая, которого засасывает в двадцать третий век.

Обратно бреду пешком вдоль реки Сумида. Небоскребы отражаются в воде, и кажется, что это гигантская клавиатура, на которой какой-то синтоистский бог играет ноктюрн. Tokyo Skytree вдали подмигивает золотым и голубым. Я думаю о том, что Токио - это город, где мифология работает курьером. Едешь в метро - поезд «Маруноути», а думаешь

о драконах под землей из «Поездки за смертью». Ешь они-гири, а вспоминаешь, как Иссин Боси, мальчик-с-пальчик, сражался с демонами они. И она еще спрашивает, что я здесь нашел. Да у меня не хватит жизней в автомате, чтобы рассказать ей поле, где я играю бабочкой, ферзем и чудом...

— Олег, ты жив? Прием! Пора нам закругляться, завтра семинар с утра!

— Да я хотел тебе про Токио рассказать, но оказалось, что все это время я молчал. Как так вышло?

— Зачем ты мне про Токио собрался говорить? Я, как и ты, живу в нем.

— Но не видишь.

— Я вижу, просто город для меня другой. Я не из манги, из Саратова. И замечаю...

— Волгу?

— Иволгу! В твоём лице. Ты сладенько поешь, лишь изредка спускаешься на землю и высоко сидишь, как эта птица, слишком яркая для средней полосы. Поэтому не видишь ни торца у здания, ни изнанки у пуловера.

— Твой пуловер - это же и есть изнанка, или я не прав?

— Дурак ты, это стиль такой!

— Ага, «лекала перепутал» называется. Предсмертный писк парижской моды...

— Я же говорю: «Одета ты не так, накрашена не эдак». В этом вся суть русских кавалеров: обесценивание и газлайтинг!

— Просто женщины хотят услышать то, что их порадует, а к правде это не имеет никакого отношения.

— Они приходят не на «Модный приговор»! И не к судье с присяжными!

— А как ты будешь строить отношения с человеком, который говорит только приятное, но ничего искреннего? Театр Кабуки...

— Да, пусть лучше искренне меня все время критикует, но при этом спит со мной, а не с прекрасной девушкой будущего!

— Если он начнет с того, что скажет правду от себя, от сердца, ты хотя бы сможешь выбирать без розовых очков. Но нет, ты ж хочешь бабочек, цветочки и фальшивый рафинад, плевать, какой ценой и что за человек их источает. Старая история: мотылек и пламя - не цветок.

— Ты просто никогда не видел пламени.

— Ладно, подытожим: я не разбираюсь в городах, потому что птица; ты не разбираешься в мужчинах, потому что... (злится).

— В поэзии ты - чемпион. Паралимпийский.

— Зато я чувствую, что рамен близко!

Уже около часа ночи. Последние электрички ушли в депо, и город накрывает та обманчивая тишина, которую нарушает лишь стрекот цикад и далекий вой полицейской сирены. Мы зашли в круглосуточный раменный киоск на углу, чтобы съесть тарелку тонкоцу. Пар от бульона - жирный, гу-

стой, как туман над озером Бива. Сосед, японец лет шестидесяти, доедает свою порцию с таким сосредоточенным удовольствием, будто ведет философский диспут с лапшой. Мы выходим сонные, отяжелевшие, и влажный воздух обнимает нас, как третий друг.

Токио, конечно же, не спит. Ждет, пока мы еще немного побродим, восхищаясь тем, как легко здесь древние кицуне превращаются в девушек с кошачьими ушками, а sake в автоматах продается с таким же почтением, как священное вино в Исэ. Теперь мы точно знаем, что любой показавшийся из-за угла силуэт может быть и призраком, и припозднившимся подростком одновременно. Не знаю, как она, мистерия из Саратова, но я, Олег из манги, абсолютно счастлив. В такие дни я понимаю, почему жизнь проходит быстро. Потому что быстро - это медленно, но без перерывов. Мы не можем нажать на паузу, время непрерывно, скользкое, как шёлк, не ухватиться! Своим движением я повторяю контуры вараги и наслаждаюсь неминуемым скольжением. Куда? Бог весть! Последнее сакэ из автомата сделало меня философом... и пьяным. Поэтому я отрубился и не знал, что Лия доволокла меня до общежития и перепоручила университетскому приятелю с наказом: «Если что-нибудь случится, будет, как в Маньчжурии сорок пятого!».

Глава 4: Сатоко

Сатоко – это...? Энигма, завернутая в сомнения, свернутые в комок. Очередное письмо родителям, скомканное

влажными от пота пальцами, полетело в мусорку. Что писать? «Вы меня обидели»? Жалко. «Вы меня достали»? Грубо. «Вы меня не любите». Да. «Вы меня не любите и...». Что еще сказать? После этого лишние все слова. Но нельзя же написать два иероглифа и несколько вспомогательных знаков, чтобы объяснить свое исчезновение навсегда. Как-то это странно и неправильно. Нужно нечто большее. Хокку? Танка? Рэнга? Сатоко - это... не поэт. У нее ничего не получилось написать, хотя она старалась.

Хрупкая до того, что казалась сделанной из бумаги, Сатоко уже не ела, лишь пила обжигающе горячий кофе и переписывалась по ночам с Минато, разрабатывая план побега. Не поймите ее неправильно: она вовсе не была набитой душой в свои пятнадцать лет и прекрасно понимала, на что идет. Просто тогда ей показалось (как знать, быть может, так оно и было), что другой вариант развития событий съели тараканы или кто-нибудь еще. Если она останется, позволит им, нелюбящим, и дальше править бал, у нее в жизни больше ничего не будет. Потому что без любви - это «ничего». Тарелка мисо и второй этаж кровати не считаются. Что ее ждет? Взгляните правде в некрасивые глаза: никто не будет ей оплачивать образование, никто не станет содержать ее за так. Едва все дети подрастут и список дел заметно поредеет, ей найдут «порядочного мужа», старше лет на десять, и обставят это так, что ей придется в нужном месте покивать, смолчать и подписаться. Обстоятельства не спрашивают про

«хочу». Они говорят: «Так надо». Неужели это все, на что она может рассчитывать после столько лет попыток «быть хорошей» и «такой, как надо»? Разве это справедливо? Разве от несправедливости заторно спастись бегством? Ее любимые герои рисковали и получали все. Сама судьба сквозь черно-белый код подсказывает ей единственно возможный выход: подбросить кости вверх и верить в чудо.

Минато все спланировал, как автор «Книги пяти колец». Каждый шаг он расписал и разложил по полочкам. Сатоко в пятницу с утра должна явиться в школу на уроки и делать вид, что неудачно прокатилась на электросамокате. Родители придут после занятий, чтобы устроить процедуру пропесочивания в кабинете у директора. В качестве наказания Сатоко купят самый простенький кнопочный телефон, едва сложнее тетриса, а смартфоном пользоваться запретят до совершеннолетия, коль скоро он мешает ей учиться и высыпаться по ночам. Но в этот раз, последний, девушке дадут ее привычный гаджет, чтобы она картинно отдала его родителям при стольких уважаемых свидетелях. Акт телефоноотречения и будет ярким свидетельством ее раскаяния. Но на самом деле...

На самом деле юная беглянка в школу не пойдет, а побегит на самую глухую остановку, где в этот час нет никого: ни пассажиров, ни автобусов. Там она сядет в неприметную машину, к туристу, завершающему здесь свою поездку. Он отвезет ее до города с вокзалом, откуда будет отходить экс-

пресс. На поездах, где школьнице пробьют билет без возражений и вопросов, она доедет до столицы, где ее встретит обожаемый Минато. «Потом из вознесет на верх блаженства волна из синего шелка» - эту фразу Сатоко додумывала уже про себя, не торопя события. Он тоже намекал, но за пределы эфемерного желанья, почти фантазии, не выходил и не на чем конкретном не настаивал. Такие просьбы отпугнули бы ее, конечно, он ж не дурочка. Сатоко - не... Определение через отрицание невозможного.

Хотя... Несмотря на полное отсутствие опыта, Сатоко все не была ханжой и недотрогой. В ее любимых книгах «это» было у героев, «это» радовало и сближало, а не развращало. И быть женой Минато - значит стать его судьбой, а это как бы круглосуточная занятость. Нельзя быть девочкой и жить при этом с мальчиком. Если с родителями не выходит, нужно попробовать другую роль. Поэтому морально она подготовилась к тому, что детство подошло к черте, за которой начинается другая книга. И другая девушка. Сатоко, убежавшая из дома, - не ребенок. Кто она? Это еще предстоит выяснить.

Вещи собирала быстро, не колеблясь. О сёстрах отказалась думать наотрез. Хватит! Она - не мама. Ей навязали эту липкую ответственность, как пробник взрослой жизни в магазине. Но она не хочет и уходит. Это ее право, так что, непрошенные мысли, хватит лезть ей в голову! Она же помнит, как безмятежно-весело они играли, пока отец снимал

истрѣпанный ремень. Их спины она очень хорошо запомнит. Как мамину. Не лица будет вспоминать, а плечи, шеи, хвосты волос.

Тигр из солнечного света, проникнув сквозь веер жалюзи, рыскал по доскам деревянного паркета в поисках ее вещей. Он делал взрослой женщине отчаянные знаки, указывал на пропуски в шкафу, но мама не заметила. У нее четверо детей, она устала и опять не выспалась. Потом Сатоко будет думать и сопоставлять увиденное с узанным, чтобы поставить матери заочный диагноз. Депрессия после родов, не признанная ни одной живой душой. Ее проваливание к безысходности началось с Сатоко. Она - это что? Повод принимать снотворное, чтобы не просыпаться на ночные крики и пожить немного для себя в не подтасованной, а настоящей реальности, где центр - в ней, не в социальных кредиторах. Сатоко осознает это разумом, но не простит сердцем.

В пятницу юная беглянка едва стояла на ногах. Все эти дни она для вида лишь притрагивалась к пище. В горле разросся тяжестью невидимый другими ком. Не вина, не сожаление, а страх, что комбинация привычных клавиш не работает. Отменить ее решение нельзя. Если в школе не объявится сегодня, точка! Прошлой жизни не вернуть. А до новой как-то надо добираться. Вплавь, по весне, сквозь розовые волны сакуры.

Сатоко шла, чуть-чуть подпрыгивая и дрожа нескладными и перепуганными ногами. Виски горели, руки леденели,

пульс отбивал квикстеп (55 тактов в минуту). Еще не поздно повернуть назад, туда, где все знакомо и паршиво, тяжело и медленно. Никак. Смерть выглядит похоже на ничто, что ей пытаются всучить в обмен на юность. Нет, хватит! Она не позволит так с собой. Хотите взрослую? Будет такая, что подавитесь костями! Она их бросит и получит шесть на шесть. Ее фишки устремились на другое поле.

Иномарка молча наблюдала, как Сатоко в школьной форме быстро пересекает улицу, почти бежит. Мгновение - она в машине. Резкое рычание движка. Поехали. Через двадцать пять минут ее родители узнают, что Сатоко больше нет. Смешавшись белизной с вишневым цветом, она любила и исчезла вместе с ним.

Успокаивая неровное дыхание, Сатоко не решалась рассмотреть водителя. Первое, что резануло вспышкой по глазам, было холодным и оценивающим взглядом. На нее смотрели так, как будто выбирали отрез шёлка в магазине тканей. Она сморгнула слезы и потупилась. Может, показалось? Эта ассоциация... Просто кожа незнакомца была натянута на кости, как старый и промасленный брезент. Лет пятьдесят, а может, больше. Друг Минато? Как такое может быть? Да он годится ему... в дедушки?

Мужчина вымученно улыбнулся и сквозь зубы промычал какие-то дежурные приветствия и фразы, призванные рассеять гнетущую тишину автомобиля. Но вежливой беседы между ними не случилось. Увидев телефон, он резким соко-

линым жестом выхватил его из рук и выбросил в открытое окно. Его скрюченные пальцы напоминали когти хищника. Сатоко в ужасе смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова, а он сказал, с усилием сдерживая гнев: «По трубке сразу отследят. Пять сек - и вышка выдаст адреса, пароли, явки. Не успеешь оглянуться - в отделении. 224 статья. Часть первая. От 3 месяцев до 7 лет».

Откуда он все это знает? Сатоко - это... жертва похищения? Как иронично: водитель протянул ей старый, битый жизнью телефон. Кнопочный. Она набрала Минато, а там - гудки.

Глава 5: Олег

— Что это? Цвет церкви зимним утром?

— Знакомься, это мои глаза. Темно-синие, вплоть до сумерек. А у тебя пусть будут просто карие, раз ты такая...

— Злая?

— Кислая. Твои слова, как ягоды зеленые, которые из гордости не зреют.

— Один один.

— Игра в Каруту. Ты зачитываешь строки из стихотворения, а я нахожу продолжение на скорость. Мне кажется, что это не японская игра, ведь мы с тобой всегда в нее играли, Йорогумо из Саратова.

— Ты - безымянный персонаж из манги, у тебя нет даже моего Саратова. Потому что в каждом настоящем городе ты ищешь и находишь выдуманный город.

— А разве так не лучше жить?

— Дело не в городе, а в том, что там с тобою происходит.

— У меня здесь выдумки живут, поэтому со мною происходит чудо. Каждый день просачивается сквозь фильтр житейских треволнений. А то, что было у тебя в Саратове, не может повториться в Токио. Ты другая. Твой чемодан набит каким-то барахлом.

— Ты не понимаешь. То, что я пережила, меняет оптику. Я вижу теперь все совсем иначе. С чем сравнить? Разбей как следует большое зеркало и посмотри в него, как в целое смотрел. Увидишь мир разбитым на осколки. Себя - таким же. И попробуй сделать что-нибудь: побриться, причесаться, галстук завязать. Будет криво, непохоже, не по-настоящему. Реальность по кусочкам битого стекла не выстроится в «вечность». Ты будешь меняться в этом зеркале, взрослеть, стареть, но все равно проваливаться в трещины и ошибаться, видя разрушение в каждом взгляде, обращенном к самому себе. Поэтому травмированный человек притягивает неприятности. Он чует их, как сеттер - след, бросается в погоню или от погони, потому что он ощущает себя частью этой охоты, этой картины, где роли выданы и реплики утверждены, их топором уже не вырубишь.

— Если ты уже знаешь про сценарий, кто тебе мешает не участвовать в игре?

— Роль сильнее персонажа. Думаешь, Гамлет может скипнуть выбор «Быть или не быть»? Вряд ли. Нету кнопки «про-

пустить».

— Европейская концепция борения с «обстоятельствами против нас» - не единственная парадигма для решения вопроса. Хрен с ним, с городом, но ты - это не то, что с тобой происходит. Точнее, не совсем то. Можно немного философии, раз уж мы в японском баре напиваемся?

— Валяй. Ты все равно единственный источник информации на русском языке.

— А как же Russia Today? Ты не смотришь? Вот ректор же обломается...

— Между политикой и философией в твоём репертуаре я однозначно предпочту второе.

— Окей. Посмотрим на европейский подход: «Обстоятельства против нас! Нужно собрать волю в кулак, проявить характер и сломать хребет судьбе. Если я не могу изменить ситуацию - я слабак, и мир несправедлив». А ты не можешь изменить ситуацию: она уже произошла с тобой.

— И что? Смириться типа?

— Не. Зацени буддийское возражение: «Позвольте уточнить: кто именно этот „я“, с которым якобы воюют обстоятельства? Вот ты стоишь на берегу и гневно кричишь на волну. Она, вода, всего лишь разбивается о скалы. Ты торжествуешь: „Я победила!“ Но волна тут же возвращается в океан, чтобы стать новой волной, а твои ладони болят от хлопков по воде. Это не борьба, а... ссора с эхом. Причина заблуждения состоит в том, что идея „обстоятельств против

нас“ предполагает дуализм, которого на самом деле нет. Нет отдельного субъекта, ведущего боевые действия с отдельным объектом. Есть только взаимозависимое возникновение. Погода - это ты. Пробки на дороге - это тоже немножко ты. Борьба с ними - всё равно что правой руке объявить вендетту левой за то, что та правее. Наш типично европейский герой тратит жизнь, тараня лбом стену, которую сам же и назвал „врагом“. А стена, между прочим, просто дверь, которую нужно было открыть в другую сторону. Страдание возникает не от того, что обстоятельства плохи, а от того, что ты называешь их такими, вешаешь ярлык. Убери его - и вот ты уже не воин, проигравший битву, а пловец, который наконец перестал молотить кулаками по течению и поплыл вместе с ним.

— И что на практике ты предлагаешь делать? Забыть и пойти дальше? Сорри, не выходит. Из всех приятелей мою токсичность терпишь только ты. А я прекрасно знаю, что токсичная, но быть другой у меня просто ручек нет. Ножек нет. Ничего нет, понимаешь?

— Подытожу свою великую мысль, и все переключает на свои места. Европейская концепция героя поклоняется преодолению, буддийская - освобождению от самой необходимости преодоления. Если «против нас» - это иллюзия, то победа уже достигнута к тому моменту, как мы перестаем искать врага. Я не «терплю», ведь не борюсь с тобой. Ягода зеленая кислит, но это не делает ее «неправильной». Феномен

- то, что есть, освобожден от восприятий и оценок. Прекрати бороться с тем, что было. Проживи нормально то, что есть. Прошлое не существует в реальной жизни. Мы не можем его изменить, но оно до нас не может дотянуться.

— Ты не понимаешь, потому что смотришь целым! Тебя еще не били! А иногда так хочется... Уж больно ты оторванная птица!

— Мне ни к чему разбивать большое зеркало, чтобы понять тебя и разделить борьбу. Хочешь целое? Возьми мое!

Лия хотела было возразить, но подавилась собственным ответом. Наверное, это потому, что я порылся в рюкзаке и выудил-таки свое «походное». Оно, конечно, не было большим, я брал его с собой, чтобы в любой внештатной ситуации ночевки быть во всеоружии для наведения порядка на лице. Я брился каждый день и не мог себя позволить пропустить, даже если утро заставало меня не в общежитии, а в палатке где-нибудь в горах, куда я выбирался в выходные. Зеркало было, может, и не самым чистым, зато целым. То, что доктор прописал.

Я поставил перед нами зеркало, как присяжного на суде против вечной ее борьбы. В отражении появились два лица. К ним ласково притрагивались ворсинки света из филигранный разномастных стекол. Ее приглядность не была классической, с полотен Тициана, но обретала редкий шарм в движении бровей и выражениях губ, блеске и тени глаз. Да, иногда ее ореховые цепкие зрачки служили тьме проводниками

и поражали inferнальной глубиной. В таких тонут. Цвет не предсказывал бедняге ничего хорошего. Но он, бедняга, о себе не помнил и, как следствие, не жалел. Йорогумо так и делает с людьми, я не был удивлен ее талантам. Даже отказался ехать с ней на водопад, аргументируя отказ мифической способностью ёкая поработать мужчин, заманивая их в бегущие от склона воды. Как и вода, ее пугающе подвижное лицо приобретало смысл в динамике. Сейчас оно смотрело напряженно и болезненно, чего-то ожидая и прося, но я, смущенный своим театральным жестом, спасовал и сделал вид, что ничего не понимаю и вообще ветошь.

Мое лицо... что говорить мужчине о своем лице, чтобы не показаться женщиной? Ну не уродливое, я бы начал с этого. Тонкие черты, избавленная от напастей кожа, бледность и холеность человека, далекого от изнурительных физических трудов. Темно-синие глаза, ночные небеса в миниатюре, придают мне исключительности и приманивают к мальчику созвездия. Наверное, мне иногда везет лишь потому, что звезды видят этот цвет и тянутся к нему своим сиянием. Больше особо нечего добавить. Пирсинг (мама задохнулась от негодования). Крашенные волосы (отдалился от корней - вот вам и результат, который мама все еще не видела). Блондин? Самую малость, прическа строится на контрасте светлой краски и темного основания. Перемена делает меня более каноничным европейцем для японских девушек. А Лия - та, конечно, посмеялась надо мной. И все равно везде со

мною ходит. Женщины...

А фокус с зеркалом, похоже, вышел из-под моего контроля. Я взял эффектную, как мне казалось, паузу, потому что, если честно, я не знал, что дальше говорить. Ждал, пока Лия отзовется и съязвит какую-нибудь гадость из репертуара обороны. Или хотя бы поблагодарит и сменит тему. Или, чем черт не шутит, выплachtetся мне в жилетку - тоже вариант, вполне пригодный для хорошей дружбы и бутылочки сакэ. Но вместо этого она, замороженная животным магнетизмом отражений, сидела тихо, непохоже на себя, и всверливалась острыми глазами в зазеркалье, где мы, почти соприкасаясь спинами, существовали вместе как явление. Стекло с обманчивым напылением металла показывало ракурс реальности, где я и Лия были главными героями истории про ночь, вино, огни и зеркало, в котором ощущалось обещание чего-то большего, чем ночь, вино и огни. Лия молчала, потому что... не хотела поменяться реальностью с двумя, которые напоминали пару? Или не хотела разбивать мое ласкающее взглядом зеркало? Молчание длилось, как зияющая пропасть, то есть было неподвижным, непреложным, неминуемым. Я зеркало не убирал. Пускай сама решит, что дальше будет. Она права насчет моей крылатости, певучести, далекости. Безрукости...

Время, как янтарь, время, как желе. Я сложил крылья и, кажется, в нем застрял. Но поза, согласитесь, колоритная. Держу зеркало, а там - двое. Один из них возьмет предложен-

ный клинок. Или отбросит. Сделает хоть что-нибудь. Внезапным облегчением окатило, как дождевой водой из-под колес автомобиля. Из ниоткуда снизошел покой. Она взяла обеими руками зеркало и... не разбила. Хотя интенция к слепому разрушению была видна в ее сгустившихся зрачках. Она взболтала нашу вязкую тишину, и получилось что-то неопределенное. Выражения на ее лице смешались: то ли смутилась, то ли растревожилась, то ли опять обиделась, чтобы опять простить. Не знаю. Молча убрала мое, теперь ее заляпанное зеркало к себе и еле слышно выдохнула мне в глаза: «Спасибо. Если целое - возьму». И улыбнулась по-пиратски. Как обычно. Насколько же мне стало легче после этого! Никто не бросил мне перчатку на ристалище, хотя я, идиот, зачем-то вырядился в рыцаря и сел напротив знатной дамы.

Я сбросил железные путы и пришел в себя. Ты - не ты, когда...

— Молвит зеркальце в ответ: ты - зануда, спору нет!

— Еще одна нелепица в таком же роде и я заказываю кляп с Али-Экспресс!

— Кто про что, а женщины - про сексуальные фантазии. Мы разговариваем. Смиритесь.

— Ой, кто говорит? Задумайся: можно ли в самом деле требовать от вас вменяемости, если мужчины одарили мир такими новостями: «Срочно в номер! Человек пытался трахнуть улей!». После этого мы, женщины, должны понять, ка-

кими прелестями думает мужчина, и носить с собой холодное оружие. Даже, господи прости, в бассейн.

— Ага, я тоже могу видео найти, где женщины - с конями! Чья б корова, милочка!

— Женщина поддается робкой надежде, что хотя бы конь поймет, как это надо делать. На мужчин, особенно после приключений с ульем, рассчитывать не приходится!

— В самое сердце дискурса. Выбор между женщиной и чайкой: звуки одинаковые, смысл - плюс-минус, лишь механика процесса...

— Да пошел ты!

— Вот видишь, чайка была бы человечнее и меня не прогоняла!

— Она, счастливица, не понимает, что ты говоришь. Поэтому и любит беззаветно. И, откровенно говоря, другого спроса на тебя не видно.

— Ты хочешь, чтобы я тебе показывал? И после этого здесь извращенец - я? Ничего себе малина!

— А что, у тебя здесь кто-то есть?

— Джентельмены о таком не трепятыся. О том же - Бусидо. Честь (Мэйё) подразумевает бережное отношение к собственной репутации и сохранение достоинства при любом раскладе.

— Ого! Не знала, что тебе японки нравятся.

— Ну как бы... я тебе об этом с дня знакомства говорю. Я люблю... разные жанры, где эротика имеет место. И не толь-

ко место. Так что...

— Ты сюда за бабами приехал?

— В том числе... Не стал бы так категорично, но если ты настаиваешь...

— Вот кабель! Я ему тут душу изливаю, он...

— Что «он»?

— Зеркало...

— Я...

— Птица! Грёбаная птица! Ты все пела...

— Это стрекоза...

— Неважно!

— Ли...

— Оле Лукойе! Не Олег!

— У тебя же зонт с картинками, ну что ты обижаешься опять!

— На то, что Олега нет! Есть тысяча метафор для Олега, но за ними пусто! Внутри тебя проводит эхом гулкая пустота!

— Что я такого сделал?

— Вот именно: ни-че-го!

— Молвит зеркальце в ответ: одна девушка - семь бед!

— На!

Она выхватила зеркало из сумки и ударила по барной стойке. Стекло, обманутое тоненьким металлом, треснуло. Волосяная тонкость трещин расколола наши головы на рваные неровные доли. Я увидел на столе осколки Лии. В горе-

чи поджатых губ можно было различить стрихнин, нацеженный для бедного меня. Я был сконфужен этой неприятной сценой. Сдержанные японцы, сжавшиеся в полосы непроницаемых и мелких черт, смотрели свысока, никак не выражая осуждения. Хотя по напряженным щелкам глаз бежала черная строка невысказанного недовольства: «Опять эти туристы! Сколько можно? Даешь Японию до 1854 года!». Но я смотрел в осколки, где она, мистерия, наливалась гордостью за сделанную глупость.

— На, смотри! Теперь видно? Нравится подарок от меня тебе?

— Спасибо, что не жизнь! Я дешево отделался.

И с этими словами я... нет, не вышел с высоко поднятыми головами поэта и убийцы. Я покраснел, как губы - от вина, и начал извиняться за доставленные неудобства. Я убирал дурацкие осколки вместе с официантом под взглядами, холодными, как чешуя дракона. А Лия? Не выдержала пика драмы и ушла, задорно отбивая каблучками набат по нашей отгулявшей дружбе. Как после этой сцены объясняться? Как сохранить плохие «friendships» для хорошей девушки, которая сама не знает, что ей нужно от меня? Потому что я - птица. И у меня не жизнь, а мутотень. А весь запас отпущенной эмпатии я обменял на правила игры, где я могу ливнуть в любое время. После того, конечно, как осколки уберу.

Блин! Порезался! Не день, а тикусё (японское ругательство такое)!

Глава 6: Сатоко

В той неприметной серой иномарке Сатоко сжалась, но не в кулак, а в комок. Поняв, что бегство загнало ее в серую зону мира, где может произойти всякое такое, о чем в книгах из библиотеки авторы пытались умолчать, Сатоко перестала шевелиться, замерла, прикинулась, что ее нету дома. В то утро она в первый раз познала ощущение деперсонализации, когда личность отслаивается от самой себя и превращается во взгляд из вне на то, что происходит с телом. Она увидела мужчину за рулем, его ухватистые соколиные глаза, пергаментно-брезентовую кожу, жесткую складку не улыбочивого рта. В нем не было ни йоты от туриста, ни унции доброжелательности и желания помочь, он даже не старался разыграть такую карту в отношениях с ней. Он вел себя, как будто увозить из дома девочек было тяжелым, но рутинным предприятием, которое требовало от него предельной концентрации на деле. Что думала девчонка - было все равно. Никого не парит, что там думает мешок картошки, который перевозят с поля на прилавок.

Казалось бы, не очень симпатичный дяденька и пальцем ее не тронул. Он вообще не проявлял, что называется, внимания к девушке, уже хорошенькой и статной для своих лет. Ей вполне можно было бы дать семнадцать, если бы ни хужоба и загнанность в расширенных от ужаса зрачках. В его положении можно было только поблагодарить водителя за сдержанность, молчание и отстранённость, которую с натяж-

кой называют тактом. Было бы хуже встретить любопытство, осуждение или... ну вы поняли, мужчина взрослый, девочка в бегах. И тем не менее Сатоко так хотелось поскорее оказаться на вокзале и избавиться от мрачного свидетеля ее падения, что у нее чесалась кожа от желания уйти. Сбежать на первой же заправке, запереться в туалете и звонить Минато, пока он не объявится, не заберет ее, раз это так легко осуществимо для сбежавшей школьницы. И почему он не приехал сам, если она рискнула всем? В душе почти что поднялась обида, но ей больше не на кого было положиться. От его ответа или же молчания зависела ее подвешенная на веревках жизнь.

Мужчина, безымянный, как цветы в канаве, купил ей сэндвич с лимонадом, даже не спросив, что она хочет или ест. Ему было без разницы. Из вежливости съела. Каждый ломтик был тяжел, как каменная крошка, и на вкус напоминал цемент. Из туалета она вышла быстро - побоялась, что он уедет, а она останется одна. «Минато? Алло? Возьми же трубку, черт тебя возьми! Я пропадаю для тебя, но без тебя!». Посмотреть бы, был ли он онлайн, но как? Доступа к сети Сатоко не давали. Попросить на кассе? Вызовут полицию. И все накроется из-за одной девчачьей трусости. Быть может, он не отвечает, потому что занят. Как ему, едва окончившему школу, организовать их общий быт, их будущее время от первого лица множественного числа? Она, наивная, взвалила на него всю тяжесть от последствий этой авантюры.

Она умрет от страха по пути, сбежит, но остальные сложности достанутся, конечно, молодому человеку. Скепсис окружения, протест родителей, нужда и противозаконность положения Сатоко - пропавшей девочки, которая ушла из дома и не хочет возвращаться. Зря она ругается и упрекает, даже не зная, каково ему смотреть в глаза отцу.

Лишь на станции Ёнаго Сатоко развернула сгорбленные плечи с облегчением, как будто ее миновала страшная беда. Безымянный жестом указал дорогу и не попрощался. Она так резко дернула за ручку, что едва не вывалилась из машины. И только закрывая дверцу, девочка заметила лукавый завиток соусинбори, чуть выступающий из-под задравшегося рукава. В Японии татуировки все еще плотно ассоциировались с якудза и маргинальными культурами, поэтому никто в здравом уме не сделал бы заметную татуировку на руке. Такого человека в офис не возьмут, не говоря уже о сфере оказания услуг. И что-то ей подсказывало: этот мужчина ни разу не искал нормальную работу. Но это в прошлом! Он уехал, а она свободна! Зачем все эти страхи родом из трукрайма на Ютубе? Ну что она, как маленькая, взъелась? Кто еще поможет парню выкрасть школьницу из дома? Явно не сарариман, работник месяца из NTT Group!

Сатоко шла и про себя твердила: «Оттуда сядешь на экспресс до Окаямы. Из Окаямы поезд Синкансэн довозит прямо до центрального вокзала». Эти слова вели ее дорогой хлебной крошки через лес самоубийц. Она там не была, но

видела крутые видео оттуда. Полный саспенс! Тогда хотелось пощекотать нервы острием не пережитых ощущений, а теперь обычная платформа вселяла ужас, сравнимый разве что с ночевкой у подножия Фудзи. Даже случайные скучающие взгляды говорили ей о том, что ее уже ищут и преследуют сотни полицейских. Они едва ли не с собаками прочесывают город и звонят на все вокзалы, чтобы девочке по имени Сатоко не пробивали никакой билет. Любой прохожий ей казался чуть ли не агентом в штатском, который ловит на платформе подозрительных людей и задерживает их до выяснения обстоятельств. Каждую минуту юная беглянка ожидала, что ее схватят и потащат к выходу, где уже ждет бледный от ярости отец и поправляет съехавший ремень. Она не знала, что родители пошли в полицию не утром и не днем, а поздно вечером, когда им стало ясно: девочка не у подруги, не у бабушки и не на улице. Она пропала. Но в полиции решительные меры отложили до утра, когда Сатоко оказалась уже далеко от своего родного городка. Поэтому Сатоко не искали. Она приобрела билет. Была толкучка, ее даже не запомнили. Камеры? Были, но записывали кое-как и не везде, и то пока к ним получили доступ, след девочки давно уже простыл.

Сатоко добралась до Окаямы. Там телефон, нагретый сжатыми до онемения руками, зазвонил. Минато весело осведомлялся: «Как идут дела?». Как. Идут. Дела. Еще бы про погоду начал спрашивать! Он вообще в порядке? Сатоко чуть не прорвало, но вокруг были люди, и обсуждать дета-

ли не хотелось. Ей пришлось сдержаться и задать насущные вопросы.

— Ты меня встретишь на вокзале? Поздно будет.

— Еще бы! Я почти готов.

— К чему? Поезд скорый, но ехать будет три часа.

— Я не про нашу встречу. Ты же понимаешь, надо сделать нечто большее, все организовать. Поэтому я не ответил раньше, замотался. Извини.

— Ну ладно. Хорошо, что позвонил, я очень волновалась. Все идет нормально?

— Лучше некуда! Вот увидишь! Я приду с цветами.

— В нашем положении лучше клецки, чем цветы.

— Ты предлагаешь мне прийти с кастрюлей?

— Нет, мне достаточно того, что ты придешь и заберешь меня оттуда.

— Само собой! Какие могут быть сомнения? Мы договорились! Я же тебя люблю, дурочка, как же ты можешь мне не верить?

— Я верю, Ми. И тороплю минуты, чтобы поезд шел быстрее. Хотела почитать «Она и ее кот», но как-то не идет, мысли соскакивают с текста и теряются. Все очень... тяжело.

— Сат-тян, не плачь, мы же скоро будем вместе! Навсегда! Мы же этого хотели, разве нет? Как говорится, горячее желание пробивает путь к Небесам! Ты уже на этом пути. Скоро все трудности покажутся смешными и нелепыми, преувеличенными страхом. Сама же будешь над собой смеяться!

Не плачь, пожалуйста, я так тебя люблю, что потерял границу между сном и явью. Сегодня мне казалось, что ты уже ко приехала. Я спал и видел так осознанно и ясно, как будто это происходит в самом деле. Не думал, что такое может быть. Но с тобой все законы физики и биологии вдруг стали вывернуты наизнанку. Ты, как художественное допущение, как магия, создающая миры.

— Минато, как же я хочу к тебе! Ты такой ласковый, такой родной...

— Это ты меня таким сделала. Ладно, я пошел готовиться к приезду будущей жены. Увидимся! Как только выйдешь - поищи глазами красные цветы. За ними буду я.

— Спасибо, Ми! Я полечу на красные цветы, как судно - на сигналы маяка.

Странно! Она едва одернула себя, чтоб не сказать: «Как мотылек - на пламя». Это прозвучало бы жестоко, с недоверием и мрачностью, которые он никак не заслужил. Минато ее любит - в этом не было сомнений. Или были? Нет, для этого уже не время! Ставки сделаны - карты на стол!

Сатоко села в экспресс-поезд и позволила сменяющимся карточкам пейзажа отвлечь себя от грустных мыслей и тревог. В конце концов, не зря ее бабушка любила повторять, что кот, который громко мяукает, мышей не ловит. Что толку от пустопорожних слов? Дорога уже есть, человек ее не делает. Он может только выбрать, как ее пройти: достойно или недостойно.

Вдруг Сатоко поймала на себе заинтересованный взгляд женщины, которая смотрела на нее, не отрываясь. Ничего особенного, дама средних лет, одета неприметно. Гладкая прическа придавала ее виду строгости, но взгляд был добрым. В нем не ощущалось осуждения или неуместного внимания. Только желание поговорить, немного оживляя вынужденное бездействие в поезде. Улучив момент, женщина подсела ближе, но Сатоко отвернулась и надела крупные наушники с ушами. Музыка включить ей было не на чем, зато никто не заведет с ней разговоров. Сейчас она не в той кондиции, чтобы отвечать на праздные вопросы. Если уж быть честной, ей не до чего. Она бы с радостью забилась в шкаф, захлопнула тяжелые дверцы и забылась в полузабытье, чтобы ее никто не видел и никто не трогал. Так и доехали до Токио, где женщина приблизилась к Сатоко на выходе из поезда и легонько тронула за локоть. Сатоко обернулась и изобразила вежливое выражение на лице. Незнакомка улыбнулась, коротко представилась (сквозь шум вокзала ничего не слышно) и протянула ей визитку: «Центр помощи...». Дальше Сатоко и читать не стала. Сунула в карман, рассеянно поблагодарила, пряча в сторону глаза, и устремилась чуть ли не вприпрыжку по перрону. Неужели так легко понять, что ей не помешает помощь? От этой мысли к горлу подступила тошнота. Скорее бы уже найти Минато! И пусть они все катятся подальше с этой идиотской «помощью», она же не просила!

Вот за платформой показали красные красные цветы.

Сатоко, как могла, рванула к ним навстречу. А женщина остановилась и печально смотрела ей вслед. В такие моменты она всегда думала одно и то же: «Хорошо, что хоть визитку сохранила. Пригодится».

Сатоко налетела на цветы так резко, что ее задели острые шипы. Минато растерялся и неловко ее стиснул, прижимая кожу девушки к бутонам, стеблям и шуршащей крафтовой обертке. Ее царапнуло, кольнуло, но голову уже заполонило ощущение безопасности, уюта... дома. Да, быстро. Минато был таким родным, таким светящимся, что мог бы осветить планету вместо Солнца и никто бы не заметил разницы. Потом она поймет, что он воспламенялся по щелчку. Раз! И засияло так, что больше никого не видно. У него был талант огня. Но пока все умные сентенции застряли в горле вместе со слезами. Ей бы смеяться, хохотать над всеми ними, но тогда ее душила горечь и спасало облегчение: «Они вместе! Получилось! То, что было, тлеет позади!».

Нет иероглифов в японском языке, чтобы наглядно передать их детский лепет, первые стеснительные поцелуи, влажные ладони и звенящие колокола сердец. Если они и говорили нечто вразумительное, тут же забывали и глядели друг на друга с обожанием людей, лишенных прошлого, лишенных привязки к слову. Что бы там у них ни прозвучало, это не имело никакого продолжения, никакого смысла. Губы, руки, взгляды говорили: «Я люблю». И больше ничего не надо было объяснять. Такую эйфорию от другого человека вы-

падает испытать единожды. Ожог становится клеймом, которое не лечится. Потом Сатоко будет щупать загрубевшие края смертельной раны и ничего не скажет лезвию вакидзаси (короткий вспомогательный меч, которым самурай добивал врага).

А пока они шли и повторяли друг за другом хокку Йосы Бусона:

Летний дождь прошел.

Наклонились цветы пиона,

Капли на листьях...

Как я люблю тебя.

Выйдя на улицу со стороны Маруноути, Сатоко чуть не ахнула в голос. Ей казалось, что она попала в учебник по оформлению городского пейзажа. Проспект был широк, как течение великой реки, а небоскребы стояли по бокам, точно благородные стражи в стеклянных доспехах. Розовыми облаками в небе распласталась сакура. В ее родном городе это дерево цвело скромнее, как-то неуверенно опираясь на дома и боясь ветра. Здесь же она цвела царственно, не оглядываясь зевак и камеры смартфонов. Лепестки, нежно-розовые у основания и почти белые на краях, трепетали в потоках машинного ветра, и на мгновение асфальт показался ей поверхностью райского пруда, затянутого пеной цвета юной зарри. Сатоко шла, и лепестки садились на ее старенький жакет, как высшее благословение. «Токио принимает меня», - подумала она тогда, вдыхая аромат, который невозможно уло-

вить в глубинке: смесь цветущей сливы, уличного кофе, ароматной выпечки, средства для протирки стекол и бензиновых паров. Сатоко поражалась, видя, сколько здесь стекла! И кто-то ведь все это моет! Ей, внезапно осознавшей волчий голод, так хотелось зайти в каждое кафе, попробовать анпаны и тайяки (булочки такие), посидеть среди людей, которые устали в макбуки и работали с таким невозмутимым видом, когда вокруг творилось вавилонское столпотворение. Но Минато шел вперед, а ей казалось неуместным сразу же просить его об угощениях и развлечениях. Все-таки им предстоит ужаться в тратах, ведь перевода от родителей ждать не приходится.

Карта в телефоне вела их дальше, к электричке линии Тюо. Стоило поезду отойти от центра, как картинка за окном начала меняться. Сначала исчезли широкие бульвары, потом поредели кроны сакур, уступив место бетонным ограждениям и сплетению проводов над путями. Сатоко и Минато ехали всего полчаса, но казалось, что время повернуло вспять, оставив весь столичный лоск позади.

Когда они вышли на нужной станции, небо сузилось до полоски серого шелка. Здесь уже не было стеклянных великанов. Улицы сжались, превратившись в узкие извилистые ущелья, где двухэтажные дома нависали друг над другом, почти соприкасаясь крышами. Свет фонарей и вывесок, такой яркий на центральной площади, сюда почти не проникал; он терялся в лабиринтах пожарных лестниц и сохнувшего

на веревках белья. Сакура, если и встречалась, была чахлой, припорошенной дорожной пылью, и лепестки ее осыпались в мутные сточные канавки, как оторванные старые пайетки.

Сатоко стала горбиться и опускать глаза, ведь натыкалась на косые взгляды. Торговцы из крошечных лавок смотрели не с токийским равнодушием, а как-то колюче, цепко, чересчур внимательно. Иммигранты, сидевшие на корточках у обшарпанных автоматов с напитками, провожали ее глазами, в которых читалась мрачная тоска и что-то непередаваемо слюнявое, прилипчивое, сальное. Их одинаковые темные физиономии пугали ее больше, чем сотрудники полиции на привокзальной площади. Вывески в Токио кричали на разных языках: вьетнамские, китайские, тагальские иероглифы перемежались с корявыми японскими, написанными от руки. Запах цветущей зелени исчез; теперь пахло прогорклым маслом из закусовых, старой фанерой и специфическим ароматом сырых стен (плесенью, короче).

Адрес привел их к облезлому зданию, зажатому между автомастерской и круглосуточным магазином. «Меблированная квартира» - значилось в объявлении, но когда они поднялись по скрипучей лестнице и открыли дверь ключом, полученным в почтовом ящике, то поняли, что эти иероглифы должны были писаться по-другому. Хотя Минато не был озабочен или удивлен. Казалось, он как раз в своей тарелке - так тепло и весело его приветствовали завсегдатаи.

В нос ударил спертый воздух, густой от дыхания десятков

людей. Это был не дом, скорее улей, наспех перегороженный фанерными ширмами, не достающими до облезлого потолка. Ширмы были оклеены старыми газетами и выцветшими постерами, пытавшимися скрыть щели (без особого успеха). Сатоко непрерывно слышала шуршание: за одной перегородкой кто-то тихо перелистывал страницы, за другой - кашляли надрывно и долго, а где-то дальше, в полумраке, пиликала мелодия из дешевого телефона. Свет едва пробивался сквозь немытое окно, упираясь в их «комнату» - прямоугольник два на три метра, где из мебели был тонкий футон с несвежей простыней, колченогий стул и пластиковое зеркало в змеобразных трещинах.

Сатоко в изнеможении опустилась на футон, и пружины жалобно скрипнули под ней. За окном, перегораживая вид, тянулась ржавая решетка балкона, на которой висел выцветший зонтик. Рядом с ширмой, на самом видном месте, сиротливо белела обертка от рисового шарика. К стене была приклеена кнопкой веточка искусственной сакуры. Наверное какая-то другая девочка, что жила здесь до нее, пыталась как-то натянуть уют на этот высохший скелетик дома. Но пластмассовые лепестки, засиженные мухами, выглядели жутко, как насмешка над той живой розовой пеной, что осталась где-то далеко, в районе Маруноути. Она смотрела на этот цветок, и пелена спадала с ее глаз, как сползает с ящерицы кожа. Где-то внизу гулко засмеялись мужчины, а за стеной заплакал младенец, которого пытались укачать моно-

тонным, чужим напевом. Открыточные виды с главных улиц съезжились и растворились в этой неприглядной тесноте. Токио встретил ее сакурой у ворот, но в его глубине, куда не доставал запах цветов, он жил совсем другой жизнью. Сатоко обняла колени руками, пытаясь защититься от негостеприимной новой жизни. До нее стало потихоньку доходить, что теперь это городское дно - ее единственное место жительства.

Вдруг Минато ослепительно и вдохновенно улыбнулся, как будто представлял ее вниманию дворец, усыпанный цветными лепестками экзотических цветов. «Нет? Ну и ладно!» - говорили за него горящие глаза: «Во всяком случае это я - цветок, и стою больше золота, парчи и лицемерия придворных! Сказка начинается с меня, а завершится всей архитектурой мира, вот увидишь!». Сатоко каждым перышком души прильнула к этому уверенному взгляду и поверила ему, сразу и навсегда. Даже когда данность тяжестью своей придавит эту веру к полу, Сатоко будет вспоминать, как дерзкая улыбка и немое обещание глаз стали замком, ливреями, драконом, магией, шелком, золотом. Она тоже рассмеялась ему навстречу. Разве не здорово, что целое крушение мира вызвано ради них двоих?

Мысли Сатоко о первой ночи были глупыми девчоночьими страхами. Минато ничего не сделал и не предложил. «Наверное, не хочет в этом месте» - подумала она. Мальчик и девочка лежали в темноте, обнявшись так крепко, что было

тяжело дышать. Минато ласково уткнулся в шею Сатоко, забрался чуткими пальцами в лавину ее волос. Время от времени он целовал ее фарфоровую кожу, всегда прохладную и гладкую, как обведенная узором чашка. Она робко следовала по дороге нежности, которую он прокладывал наощупь. Если что-то надо будет сделать, он наверняка подскажет и покажет. Зачем самой форсировать события? Если бы она знала, что...

Утром они наспех привели себя в порядок, все еще стесняясь и боясь напороться на невидимый меч, отделяющий невинных друг от друга. Он высмеял «эту дыру» и пообещал показать ей настоящий Токио, хозяевами которого они, конечно, станут в скором времени. Весь день ничто не держит молодых людей в пропахшем безнадегой захолустье. Все дни, а иногда и ночи, они с Сатоко могут проводить в центре, где даже вид забитых до отказа улиц вдохновляет на успех. Снимать поблизости жилье, даже самое дешевое, ему пока не по карману, зато гулять - это бесплатно и куда приятнее, чем сидеть в убогой комнатухе и работать ради этого добра в три шеи. Сатоко не спросила, сколько шей Минато планирует вложить в обеспечение их быта, но в тот момент вопрос казался неуместным.

Весенний Токио встретил Сатоко оглушительным, почти неистовым цветением. Утро началось у станции Синдзюку, где людской водоворот, казалось, не течёт, а мчится, подхваченный невидимым течением. Минато, выросший среди это-

го ритма, двигался легко, «словно рыба, получившая воду», как говорят в Японии со времен правителя Лю Бэя. Спокойная уверенность Минато была для Сатоко тем самым камешком, за который можно зацепиться в стремительном потоке.

Они вышли из стеклянных недр вокзала и почти сразу нырнули в тенистую аллею сада Синдзюку-гёэн. Здесь шум большого города стихал, превращаясь в приглушённый гул, похожий на шум далёкого моря. Сатоко замерла и даже попросила своего возлюбленного задержаться, чтобы посмотреть, как ветви старых вишен склонились до самой земли под тяжестью бесчисленных соцветий. На фоне голубого неба разливалась розовая дымка, а чуть ниже были целые каскады, водопады из лепестков, в которых утопало само небо. Сакура здесь, в Токио, казалась более пышной, более величественной, словно само время в этом мегаполисе ускорялось, заставляя цветы раскрываться с невероятной, почти жертвенной щедростью. Воздух был сладким, дурманящим, пряным. Солнце, пробиваясь сквозь кроны, рисовало на асфальте кружевные, подрагивающие от лёгкого ветра тени. Минато молча улыбался, глядя не на сакуру, а на её потрясённое лицо, на котором играли розовые блики, и этот момент тихого восхищения рассказал ему о ней больше, чем могли бы сказать слова.

От тишины и покоя они направились к кипучему сердцу района - Кабуки-гё. День ещё не перешёл в вечер, неоновая кровь улиц ещё не побежала по венам вывесок, и квартал

представал в своём дневном, чуть утомлённом и оголённом виде. Вывески легендарных идзакая и караоке-баров выглядели блёкло, но обещание грядущей ночи уже витало в воздухе. Минато шёл немного впереди, показывая ей этот мир контрастов: крошечный синтоистский храм, зажатый между двумя высотками, чьи ворота-тории были увиты свежей зеленью, и узкий переулок, залитый ароматом кипящего бульона. Здесь, по словам Минато, подают лучший в Токио рамен с тонкоцу. Они сидели плечом к плечу в крошечной закусочной, где пар от пиал смешивался с тёплым весенним воздухом, и Сатоко, вдыхая пряный запах, впервые за день почувствовала частью этой живой, дышащей громады по имени Токио.

После обеда они двинулись на запад, мимо «Золотого Гая», чьи тесные бары, словно ласточкины гнёзда, лепились друг к другу. Сатоко смотрела во все глаза. Её провинциальное восприятие, привыкшее к размеренности и широким горизонтам, здесь захлёбывалось от деталей. Она замечала всё: пыльцу, жёлтой пудрой осевшую на поручнях велосипедов; школьниц в форменных юбках, которые с визгом и смехом фотографировали друг друга под «сакурой-плаксой», свесившей ветви до самой воды городского пруда; деловитых ворон, ворующих блестящие предметы прямо из кафе под открытым небом. Весеннее солнце, еще нежаркое, но уже настойчивое, мягко золотило вывески, лепило яркие белые пятна на тёмном асфальте и заставляло шуриться до фейер-

верка искр в глазах.

День плавно перетекал в ранний вечер. Они вернулись к Кабуки-тё, но теперь он был совсем иным. С наступлением сумерек квартал сбрасывал дневную кожу, начиная дышать и мерцать. Тысячи огней взрезали синеву сумерек, и Сатокко показалось, что она шагнула внутрь гигантского, сложно устроенного живого организма. Неон пульсировал, переливался холодным пламенем, отражаясь в лужицах от недавно прошедшего тёплого, грибного дождя.

В этом сиянии, словно вырезанные из другого, более яркого мира, появились они. Компания подростков, одетых с той токийской небрежной изысканностью, которая мгновенно выдавала в них детей большого города. Пальто оверсайз пастельных тонов, асимметричные юбки, широкие брюки, винтажные аксессуары - их образы были похожи на коллекцию современного искусства, случайно ожившую и выплеснувшуюся на тротуар. Они ступали легко и уверенно, их смех был смел, а воздух вокруг них, казалось, вибрировал от какой-то особой, творческой энергии.

— А, Минато! Ты куда пропал? — окликнул его парень с выбеленными прядями и в круглых очках, сверкнувших отражённым неоном. Говорил он как-то театрально и фальшиво, растягивая слова и перепутывая интонации, но Сатокко сразу обругала себя за это провинциальное недовольство: так модно, а она, дурында, даже и не в курсе.

Минато расплылся в искательной улыбке. Он положил ла-

донь на плечо Сатоко, чуть подталкивая её вперёд, и в этом жесте было обещание защиты. Он по очереди представил ей своих друзей, чьи имена звучали как строчки из модного журнала, а «луки» были достойны лучших стритстайл-фотографов. Сатоко, поначалу оробев, вдруг встретилась взглядом с высокой девушкой в туфлях на немыслимой платформе и с лавандовыми волосами. Та улыбнулась ей широко и открыто, без тени высокомерия, и Сатоко вдруг стало удивительно спокойно. Это была улыбка, которая принимала её целиком, без оглядки на её провинциальную скромность и нестоличный вид. Она была приглашением в этот неоновый мир, обложивший себя блесками и кружевами.

Наконец, Минато, сказав друзьям: «Мы ненадолго», потянул Сатоко дальше, к тому месту, что обещал показать на закате. И вот перед ними выросло здание Shinjuku Toho. Его цилиндрический, похожий на гигантскую башню-гриб фасад, увенчанный знаменитой головой Годзиллы, был полностью объят закатным пламенем. Подсвеченный снизу, он казался не архитектурным сооружением, а декорацией к грандиозному спектаклю, в котором им двоим отводилась главная роль. Сатоко подняла голову к небу, где на фоне догорающего дня, пронзённого стальными иглами небоскрёбов, чётко вырисовывался гигантский силуэт чудовища. Он нависал над улицей, и в этот миг она остро ощутила двойственность Токио: ошеломительный масштаб и щемящую камерность, хрупкость цветущей сакуры и стальную мощь испо-

линских зданий, оглушительный шум толпы и тишину между двумя ударами сердца. Лепестки сакуры, всё ещё кружащиеся в вечернем воздухе, на мгновение застывали в лучах прожекторов, и казалось, что сам город, наполовину из блестящих искорок, смотрит на неё доброжелательно и терпеливо, приветствуя в своей фантазмагории огней.

На площади перед Shinjuku Toho Сатоко ела вафельный рожок и наслаждалась нежными объятиями любимого, как вдруг она увидела ее. Минэ, тот самый призрак оперы, который стал излюбленной легендой школьного учителя. «Принцесса, превратившаяся в тыкву» - так могла бы называться ее история. Пусть превращение себя не оправдало, после Кафки ей не привыкать к сюрпризам, но реальная Минэ, девушка из плоти и крови, если и напоминала тыкву, то лишь ту, которой на роду написано перерасти карету и съесть живьем приправленную балом Золушку. Она была прелестна: одежда и мейкап в стиле джирай-кей (девушки-мины) подчеркивали ее яркую, заносчивую красоту. Минэ победно шествовала, а не проходила мимо. Вокруг нее толпились разодетые подростки, но на ее почти что голливудском фоне они смотрелись блекло и искусственно, как паль на одной полочке с оригиналом. Каждое выражение ее лица позировало для таблоида, не меньше. Всеобщий резонанс вокруг ее фигуры был понятен: у Королевы Маб в Тик-токе сотни тысяч фанов. Ее кружочки собирают миллионы глаз.

Минато в шутку поклонился царственной Минэ и нежи-

данно представил ей Сатоко, как будто он намеренно привел ее знакомиться с героями Кабуки-Тё. А реакция Минэ была настолько странной, что Сатоко еле удержалась на ногах, когда почувствовала на щеке ее дыхание, колючее от никотина и ментола. Вокруг зашевелились телефоны. В толпе уже снимали, как Королева Маб тепло приветствует новенькую и даже дарит ей особое внимание. Сатоко снова уловила ощущение, что ее оценивают, будто дорогую ткань, и мысленно прикидывают, как использовать. Ее снимали и никто не спрашивал о том, что она думает на этот счет. Бесцеремонность больно оцарапала самооценку, но и тут Сатоко лишь одернула себя: «Ну что ты куксишься, как деревенщина! Они же не со зла и делают все это потому, что ты им, кажется, понравилась. Не потому, что делаешь работу за троих, а потому, что симпатичная и клевая. Разве плохо?». По фото тут же заработал поиск. Ее аккаунты в соцсетях мгновенно стали общим достоянием. Посыпались подписки, лайки и комменты, о которых раньше можно было лишь мечтать. Одно объятие на улице Кабуки-Тё было сродни размашистой дуге волшебной палочки. Взмах! И Сатоко на вершине Фудзи. Десятки человек, таких красивых и успешных в соцсетях, хотели с ней общаться и дружить. От этой опьяняющей волны веселья кружило голову. Она и не заметила, как покурила в первый раз и выпила нечто настолько терпкое, что едва не выплонула на асфальт, что было бы верхом неприличия. Проглотила, хотя не понравилось. Выпила еще, хотя тошни-

ло. Не хотелось выделяться и гримасничать. Ей предложили лучшее, как гостье. Надо было согласиться, как иначе? К тому же центр ее мироздания, Минато, эту круговерть не останавливал, наоборот, подначивал и сам не отставал. Они вдесятером запели модный хит и записали много разных видео. Ей было так драйвово, как никогда в жизни. «Тебе надо апгрейдить ак, мы можем очень много заработать. Займемся завтра!» - прошептал Минато. Сатоко же вновь испытала разочарование: не то она хотела бы услышать от него. Совсем не то. И все-таки любовь возобладала над тревогами: «Он думает о будущем. Я не смогу работать официально, нужно искать новые возможности. Не все же надо вешать на мужчину».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.